

Смена

№ 16

ДЕКАБРЬ

1933

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛП(б)
ПРАВДА

искусство „БОКСА“ у комсомольцев „ЭЛЕКТРОСТАЛИ“

Что вы знаете о боксе?.. Квадрат площадки, зеленая, синяя... Сотни напряженных глаз в темноте зрительного зала... Неуклонное покатое хождение перчаток... Синисток судьи... Томительное кружение первой встречи... Первый удар... Смены рукояток... Полотенца, массаж...

У комсомольцев «Электростали» бокс организован на высшем уровне.

Энергетики — рабочие цехов, инженерно-технические работники, служащие завода-управления. Судьи отсутствуют. Правильность удара определяют сами арбитры. Удар наносится рукой, вооруженной карапандом или кистью.

Короче говоря, «Бокс» — это Боеевой Орган Комсомольской Сатиры.

Комсомол штамповки, борясь за план, впервые применил карикатуру в своем цехе. Средство оказа-

залось сильно действующим и быстро привлекло внимание всех остальных цехов, где появилась своеобразная «сона сатиры» под заголовком «Вон из профилей». В дальнейшем завод из профилей вышел, и можно было с удовлетворением заменить это название другим. В результате одного вечера и многих споров родилось новое название — «Бокс».

Сейчас уже стало привычным, приходить в цех, первым делом подойти к специальную земле и сидеть на стуле, где можно получить очередной удар всем телом по бокам. Несколько ударов обсыпаются на месте. Арбитр высчитывает все цех. Возникает дискусия. Бывало случаи, когда жюри карикатуры писала целую докладную записку, оспаривая правильность удара.

После карикатуры № 1 появилась статья в заводской газете, и парламент даже выпнес по этому поводу специальное решение.

После карикатуры № 4 выдача ботинок на деревянной подошве прекратилась.

Инициатива комсомольских ячеек нашла большой отклик в массе рабочих. В цехах появлялись свои художники. И иногда старый рабочий приходит к молодежи и, не зная конфузов, предлагает тему для «Бокса».

Когда шла чистка партии на заводе, комсомольцы, сидя в зале, запускали карикатуры-молнии, налосточенные отдельные моменты чистки. Иногда это были дружеские шаржи (№ 6), а иногда и очень злые художественные вымысла по ходу собрания (№ 7). Комитет комсомола ставил сейчас вопрос о ежедневном выпуске вкладыша антипартийской газеты, но карикатуристы уже по всем правилам запрещенного искусства.

Очень часто рисунки требуют ботинков, подошва которых по сложу выпилены, но они неизменно не боятся в цель своей конкретности, а иногда и интересно задуманной темой (№№ 2 и 5).

Родившись в непосредственной практике производства, искусство карикатуры начинает многих уче интересовать сам по себе. И если комсомольцам «Электростали» помочь, а помощь нужна, может родиться новый и интересный вид самодовольствующего искусства — кружок карикатуристов.

ГЛАВНОЕ — ГЕНЕЗИС. ЦИФРОВЫЙ БАЛАНС КОНТРОЛЯ

ВРЕДИТЕЛЬСТВО ПРОДУКЦИИ ЗАЩИЩАЕТСЯ
Из младшесоветских мастеров
Он предложил рабочим рабочую
по распределению — ЕКАТЕРИНБУРГ

№ 1

№ 2

№ 3

Художник КЕША

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

№ 6

Переводчик — Пастеречу семинарии	3	Ф. Малов — Правда	20
Рассказы и очерки:		И. Ипполитов — Правда	21
М. Папава — Искусство «Бокса»	2	М. Годлевский — Дорога к пристрастию	24
К. Томарин — Художники «Боржом»	2	Ю. Нейман — Переезды эпохи	25
Б. Бородин — Голубиные забоны	4	А. Гробов — Заметки о честности	26
С. Третяков — Сколько весит народ?	4	СТИХИ:	
И. Шпирер — Дела Сергея	8	А. Родченко — Приветствие	22
Евг. Кригер — Молодость великого	8	Л. Штиглиц — Дорога	23
М. Долгополов — Фотографы	2	А. Гайдуков — Вечернее утро	23
Архитекторы, художники, музыканты и другие — «Боржом»	13	А. Овчинников — Птенец-художник	23
Л. Берман и В. Манухин — Знаком «Мак»	14	Д. НИМАНОВИЧ — № 6. А. Радужный — Физкультурный праздник	23
Н. Синицын — Образы советской реальности	14	А. Бородин — В. Бородинов — Правда	16-17
И. Аксенова — Мастера огня	19	А. Крюков — Прыжок Трофима	18

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Малов — Правда	20	В. Герасимов — У кого же нам учитель?	21
И. Ипполитов — Правда	21	ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ — САМБАРЫ	
М. Годлевский — Дорога к пристрастию	24	М. Рудин — Александровская фабрика	
Ю. Нейман — Переезды эпохи	25	Платформа под ред. Г. Гайдука	25
А. Гробов — Заметки о честности	26	СТИХИ:	
СТИХИ:		Л. Штиглиц — Дорога	22
А. Родченко — Приветствие	22	Д. Бородин — Г. Бензендорф, Л. Соболевская, С. Соболевский	
Л. Штиглиц — Дорога	23	Художники «Боржом»	
А. Гайдуков — Вечернее утро	23	О. Третякова, А. Спуркина и На обложке: И. Кеша	
Д. НИМАНОВИЧ — № 6. А. Радужный — Физкультурный праздник	23	ФОТО:	
А. Бородин — В. Бородинов — Правда	16-17	И. Гайдуков	
А. Крюков — Прыжок Трофима	18	Оформление номера Кеша.	

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

C M E H A

Литературно-художественный, общественно-политический и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и НК власн

Адрес: Москва, Центр, Малый Черниаховский пер., д. 3/4.

1 9 3 3

Тел. 2-89-28

НАВСТРЕЧУ СЕМНАДЦАТОМУ!

В своих воспоминаниях о Ленине Алексей Максимович Горький отметил одно, наизобре-
гавшее честу облика Ильища. Горький пишет:
«Я не встречал, не знал человека, который с такой
глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы не-
известность, отвращение и презрение к несчастью, го-
рючу, страданию людей... Для меня исключительно
велико в Ленине именно это его чувство непри-
миримой, неусыпной вражды к несчастью людей,
однако же яркая вера в то, что несчастье не есть не-
устрашимая основа бытия, а мерзость, которую

люди до конца могут отстать от себя». На устроение этой многофакторной моральности были отданы все силы, вся великая жизнь Ленина, Вознесенского, Гарина-Балашевского, он подготовил ее, поднял ее, формулировал ее, пролетарская революция, варваризацию морести, антигуманитаристического строя, уничтожающую основы социальной жизни, частицы людей и отравляющую реальность, перенесшая созданию счастливой жизни для всех трудящихся. Вокруг ленинской партии, энергии рабочего класса СССР социализм из мяты, из теории, из неизвестного «автата» становился сегодняшним днем, воплощается в жизни. Построение бескассового социалистического общества, о котором мечтали великие передовые умы человечества, поставлено как первостепенная задача победы осуществляемой второй пятымка. К нему, к бескассовому обществу, наша страна находит твердой поступью, уверенной в способах и способах своего избоя.

Этими победами в борьбе за социализм мы обязаны тому, что не все противники времени, прошедшего после смерти Ленина, его заявляют, а есть та первооснова, которая освещает нашу поступательную движущую силу. Этими победами в борьбе за социализм мы обязаны генеральному ленинскому руководству нашей партии. Этими победами в борьбе за социализм мы обязаны тому, что во главе партии стоит лучший ученик Ленина и верный продолжатель его дела — Т. Сталин, не преклонившийся перед претворением ленинских заветов в жизнь.

Десятилетие со дня смерти Ленина совпадает с открытием XVII съезда партии. Грандиозны этикет, которые предстоит подвести съезду! Только за последние три года, прошедшие после XVI съезда, наша страна сделала гигантский скачок вперед. За три года, следя решимым съездом, вперед-богатыем на основе ленинских указаний, мы стали первопроходцами индустриальной страны, выйдя по производству чугуна и по машиностроению на второе место в мире.

пример, на первое место и т. д. Ленинский лозунг «догнать и перегнать», осуществляемый под руководством т. Сталина, победно воплощается в практике наших дней все в новых и новых показателях, демонстрирующих силу нашей страны и могущество нашей страны.

Следуя ленинским идеям, партия наметила и осуществляла историческую программу социалистической переделки деревни, победив преодоление сопротивления крестьянства, враждебных элементов и агентурам классового врага внутри партии, Колхознойстрой победы. Культурность же как класс в основном ликвидировалась. Музейная политика Т. Стalin и Апенского ЦК обеспечила завоевание новых высот в укреплении колхозного села, в повышении производительности колхозного труда, в превращении колхозов в большевистские, а колхозников в зажиточных.

Преморажение СССР в передовой индустриальной страну и победа колхозного строя явилосьнейшей монгой основой, которая обеспечила склонение изменения всего объема Советского союза. Вмешаютсяются достоинства новых городов. В пустынных степях возникают гиганты социалистического хозяйства. Наука и искусство буйно развиваются, приводя в изумление весь капиталистический мир. Ницце, удивленные колониальным гнетом окраин, стали очарованы новой жизнью и уровнем их культуры и быта, с каждым месяцем. Да разве можно перенести с каждым месяцем, какими событиями и участниками, все то, что является результатом творческой энергии малолетних, массовых народов? — в теории квазириториала, подытожим.

трудящимися в течение каких-нибудь трех лет!

К XVIII съезду партии готовится вся страна, выдвигая насту́пство к съезду новых производственные обязательства, подымая на новую высоту волну социальных соревнований, ознаменовавшуюся открытием съезда первых побратимов фронта строительства и культуры. Широкая подготовка к съезду является еще одним доказательством безграничного доверия рабочего класса и всех трудящихся большевистской партии, к ее ленинскому духовству.

В этой подготовке к съезду деятельно участвует молодое поколение страны во главе с ленинским

XVII съезд партии и ленинские для комсомола участники развернули походом за освоение новой техники. Освоение новых предприятий, овладение техникой, внимание к качеству работы — центральное звено социалистического наступления на сегодня. Ленинский комсомол, пронизанный духом герояизма на стройке новых заводов, отвечает на эту новую задачу проведением всесоюзного комсомольского техникума, решительной борьбой за поднятие технической грамотности молодых рабо-

ЧИХ.
Особая задача стоит перед комсомольцами, работающими в легкой промышленности. Больше, чем когда-либо раньше, следует взяться за улучшение качества товаров ширпотреба, соединяя это с несласной борьбой за увеличение выпуска товаров, либо отныне, по решению партии, товаров ширпотреба должно выпускаться вдвое и втройce больше, чем прежде. Советские товары должны быть лучшими

В мире!
Культурному фронту как в городе, так и в сельской местности деревне должно быть придано неусыпное внимание комсомола. Овладение высокими индустриальными культурами, воссторжами подъема культуры и культуры молодого поколения нашей страны, еще большее творческое участие комсомола на различных участках культуры и науки, на расширении использования научно-издательских ресурсов, борьба за вполне культурную жизнь в колхозах — вот громаднейшей важностью задачи, требующие от комсомола внероднического кинематографического участия. XVII съезд должен быть встречен всемерным развертыванием культурной работы комсомола.

Славянской работой партии массы молодежи, за- воевавшей под ее руководством новые высоты на социалистической странице, овладевшей логикой стиля работы, комсомола, готовящего к XVII съезду определяет высокое доверие партии, определяет уверенность вождя партии Т. Стalinя в том, что «ударники комсомола проявляют еще большее отваги и лояльности в деле освоения новой техники» по всем отраслям народного хозяйства, где «услышаны обрашения сибиряков, чайной, стекольной (С.Г.А.И.И.)

РАССКАЗ

И не было разницы между голубятней и домом. Там и тут лежало тесно и грязно, скучно и то- скливо. Там и тут ложились спать и просыпались очень рано. Там и тут рождались и умирали.

Да и смерть даже была одинакова. Мало кто умирал спокойно, лежа в своем логовице. То подстрелят, то зарежут или прошибут голову камнем. А иногда просто искромсят в куски: одни — кошка, других — машина, не защищавшая предо- хранимеля.

Люди перемещались с голубинами настолько, что казалось не народ разводят голубей, а голуби разводят народ. И этот народ ухаживал за голубями как раб.

Хотели голуби есть, — им ссыпали зерно. Хотели на волю, — им отрывали решетку. Сыпать хотели, — тоже никто не мешал.

Хотели другое есть, — не всегда удавалось.

Ходили они есть, — не всегда удавалось. Но не всегда по воле. Хотели на волю, — но непускали скрещенные верстаки и грохочущие машины. Хотели ложиться спать, но работая гладко в ночную смеху. Их было голубей в этом городе самым дорогим в человеческой жизни.

Они замелили ладони деньги и разваливались. Тыльовыми намерялось количеством голубей, которых можно было приобрести на эти деньги. На голубей играло: кашев, лоди, «орлянка» и деревенские.

Голубей давали девушкам в поймание и оставляли спасоваться в наследство.

Вскакое завещание, устное или письменное, за-крепленное на унаротиси или неизакрепленное, начи- налося с голубей:

«Моихного трубана и сразу голубей, которая с белой отмечиной на лбу, оставляю тебе... Колобок Синешапого чужака и белые перья, у которого на спине написано: «спаси, тропинка». Васик. Две пары забоят труманов, что куплены мной на ма- сляной, дайте в приданое Эннике. А осталанных голубей зашлю старому сыну Павлу. Ему же оставляю хату и забояти о семье...»

И казалось, что нет в жизни человека более долгого существа, чем голубь. И не было каза- лось в городе других удовольствий, кроме разве- дения голубей. И не было любви более сильной, чем и голубей. Не томили любви никакие страсти, кроме желания иметь породистых «мохнононок».

И не было горя более чувствительного, чем потеря любимых «турманов».

Но это только казалось.

Только казалось, что голуби — единственная цель этой людской малютки.

Разведение голубей было своего рода игрой.

В этой игре одни из партнеров имел один ко- зырь. Другие же толкались, толкались. У третьего бы- ло преимущество в другом.

Но виноват на них могла иметь только козыри. Тогда породистых голубей.

Из-за этого и происходили драки. Из-за этого выдавали замуж против воли. И также из-за этого занимались не любящими девушками.

Разводили голубей синевами, отчи и деды.

И хотя все эти родственники жили в одном дворе и даже в одном доме — в одной комната, но голубиные кашевы были сир.

Каждый из них занимался друг другу. Одни занимались разводом, с которой другой лазил по крыше. Второй занимался первым, то что умел хорошо загонять чужаков. Третий занимался обозом, потому что у них голуби породистые, а у него — нет.

И каждый обижался, если его голубей загоня- ли в свою голубятню соседними родственниками.

Очень часто случалась такая ссора.

Голуби отчего-то попадали в голубятни смыса. Они пропускали золи ход в свою попадушки, но она им надела, и голубям золотые посыпать, как инжир их звонково и родственники. И они лазали в голубятни смыса. Тот захлопывал решетку, жмурился от удовольствия.

— Ванька, отай моего турмана, — просил отец.

— Не дам. Всумы.

— Так я же тебе отец...

— Родня — родине, а голуби врозь.

— Но ведь я тебе взыборна, вибрата, грамоте обучена, а тебе для отца голубя жалко.

— Тятька, не мучи меня! Всумы себе все мое жалование за этот месяц, а турмана я не отда姆. Я и его загнал, значит — мой, и ты можешь его получать обратно только за замку.

— А если я тебе сейчас по шеям наложу? — грозил стеч.

— Я теперь не маленький, — отвечал сын, — могу и слачи дать.

Отец матерясь леж в коридоре за кистем, в котором таскал деньги, и клялся на все лады своего сына, платить выкуп.

По воскресеньям небо было покрыто синими пуховыми тучами. По городу шелестел из перьев. Поднималась шум от хлопьев краялек.

Всюду на деревенных крыльях сидели бородачи и длинными жеждрами с тряпкой на концах гоняли синие пуховики.

Какими из них с разо- стяжными глазами и взадом широким спорадом скользила в воздухе, играя, ученики — урони, сплюхники — работу и все стря- хали свои голубей, чтобы одиночный чужак спу- стился к назинаковым ро- дичам.

И когда чужак спу- скался на землю склонившись, тот есторожно длинным шестом затонил своих питомцев в голубятню. Чужак тоже сле- довал за ними, ибо он знал, что найдет там пи- щу и воду.

Но это только кашев чужака, который не в силах голубятню не шел. Тогда из лазинки удачной — длинным шестом с прово- лоченным крючком на конце. Их задевают голубя за алапку.

После загона чужака счастливой постыдной при- сматривалась сына за работой. А на следующий садко- го гоняли своих на деревенную крыши.

Води голубей даже городской голова.

Но на крышу лазить стеснялся. Он посыпал ту- да дронника, а сам рукающим «шагунгом» со двора.

И потому, что голубей водили из поколения в поколение, в городе многое улицы носили на- званиями голубятни и голубиц. Даже целый район назывался «Голубинкой».

Я родился и вырос в этом районе.

После революции, когда к городу подступала Деникин, я, двенадцатилетним мальчишкой, сунула себя самым счастливым человеком. Это объясня- лось тем, что отец и старший брат ушли вместе со всем гвардии на фронт, все три голубятни остались в моем распоряжении.

Я был «голубятни» для всех голубей. Под мной лежали сям 34 птицы голубей не искасденного сорта. Я сразу почувствовал себя зорюшкой, начал бывать и даже перестал слушаться матери.

Еще зевало у меня было только четыре пары недородных голубей, которые не умели даже при- лично летать, не только дезать «турмана».

Ат прибывали такое счастье.

Утром этого необыкновенного дня я проснулся очень рано. Соня с крыши, на которой я спал, крикнула: «Городу прибыли мои голуби, и увидел шесть пар ног, обутых в сапоги, из еденины купоросным раствором».

Утром стояли шесть винготов.

Я подошел. Потрогал руки. Полина выигнула, накал курок. Выигнула выстрелила. Пуля прошла панцирем сквозь крышу, не убив ни одного голубя.

Всё проигнулось.

Отец, еще не проторев газза, дал мне по шее, отчего у меня заленело в ушах и перед глазами пошли оранжевые спирали. Я к такому обращению привык еще в типографии, где мыс персонажом шрифты, и оно на меня не произвело никакого действия.

Я снова накал курок. Но выстрела не произошло.

...Голубь, сраженный шрапнелью, падал вниз

Как я узнала позже, нужно было отодвинуть затвор.

— Не тужи, тебе говорят! — закричал отец.

Я поставила винтовку в угол. Брат и отец забрались в спальню голубятни и долго сидели там, курая махорку, насыпая зерна голубям и миная пули.

Они прощались с голубями дальше чем с мяткою. Она только и знала, что плавкая и пихала в сумки все, что попадал под руку: хлеб, яйца, табак, носовые платки, деревянные ложечки...

Отец, взял свою пешую сумку, вытряхнул из нее все, оставил только деревянную ложку и крахмал хлеба. Не успел он отвернуться, как сумка снова была набита под звяжку. Отец опять вытряхнул сумку прямо на землю у ворот и ушел быстрыми шагами.

Брат позвал меня к себе в голубятню и сказал:

— Смотри, стерва! Есле прогонишь хоть одного, вернусь с фронта — будешь оторван!

Потом, немного помолчав, тако добавил:

— А не вернусь — тоже будешь.
(Он вернулся через три года, а голубей мы уже погано, ибо в Поволжье были голод.)

Отец, уходя, дал мне деньги, которые они получали на земле перед отправкой на фронт, и сказал:

— Всакую пару моих голубей у Михайловых и аккуратно запасись кормом. Есле голуби начнут дохнуть, подожди старика Бехова, — он умеет лечить все их болезни.

Скоро прощались оставленные сапоги, в которые были обуты братами друзья и отцовские приятеля. У них болели симы, и, чтобы не слышать раза детей и отговоров жен, они решили тайти уйти на фронт.

Они прощались с моей матерью и отдавали свою почучку, чтобы она передала им смыки.

После ухода рабочих в городе настал тишина.

Потом сразу посыпалась снаряды, появились аэропланы, которые мы видели тогда впервые, и стали обсыпаться бомбы.

Город ушел в дым. Люди спиртались в потоках дыма. Голуби, прежде были забыты. Но это забывание продолжалось недолго часов. Как только первый испул пронесся, я в перепады канонад услыхала крики ребятишек и хлопанье крыльев.

Мать умела не могла больше удержать меня в темном погребе, около кадушки с квашеной капустой.

Меня тянуло наружу. Ведь у меня теперь было 34 пары отборных голубей. Ни малый матери, ни слезы сестры, ни угрозы обеих вместе не могли остановить меня.

Я вымысь.

На небе слышалась сухой треск. Потом появлялась белая роза взрыва и медленно начинала падать. Снаряды падали где-то окончно вспаханые, передние части, или во время их взрывов казались, что под ними разливается пылью.

От взорванных бомб звенели стекла и дрожали железные ворота. Кое-где после взрывов валялись широкие лоски.

Все это было так интересно, что я на время забыла про голубей.

Где-то далеко в стени глуко ахало. И оттуда выростал жужжащий звук. Слонино кто-то ленивый протягивал сразу много телеграфных про-

зовов. И они гудели. Чем ближе, тем сильней. Потом скрипла лошадка, и неподвижные провода обрывались на месте гулкого взрыва.

Я забралась на крышу.

Ребятишки уже гонали голубей, счастливые от того, что их отцы ушли на фронт, тоже оставив своих питомцев на их попечение.

Я стал выпускать своих.

Мое сордце замерло от счастья. Крыши были усыпаны ворующими стаси «мохнатыми», «зобастыми» и «турманами». Они гордо расхаживали по карнизам и при каждом взрыве испуганно взлетали.

Теперь ребятишки аварийно соревновались друг с другом. Чын голуби Альбиносы, стурманы и другие всех подавляли. Особняком находился голубь Белка. Давно крауны поднимались так высоко, что совсем скрывались из виду.

Из можно было разглядеть только кайфовский бинокль, городской головы, но бинокля уже не было, да и сам городской голову давно уже расстреляли приятлан брата.

Голуби в этот день летали нехотя. Сделав по воздуху круга ввы-ти, они снова садились на крышу. Они «пугались взрывов» и снарядов, пролетающих мимо.

Но это было только в первые дни.

Потом голуби привыкли к выстрелам. Привыкли к белым розам шрапнелью, взрывам и к взрывам бомбам, — сопровождавшим выстрелы.

Голуби, увидев в небе вспышку, в быстро снимавшемся с крыши и кружившемся за другом уходили в глубину летней синевы. Попрежнему туманы падали камнем вниз и, неспешно распустив сложенные крылья, взмывали вверх. Попрежнему «запористые» голуби отбивались от чужих стаси голубей и загоняли их в свою.

Все было попрежнему.

И когда голубь, сраженный пулей или осколком пристал, падал вниз, все думали, что это «турман» продевает свою очередной трик. Так думали голуби и так думали люди.

И только когда голубь спасалась от крыши и, хлопнув крыльями, скользила о перегородку вправо, шум склонившей ветвей ветки в теплых солнечных досках, понимали, что это рутина стурмана, привыкшая к тому, чтобы ее понимали, что это война.

Был под городом усилившийся.

В большинстве и школах города, превращенных в госпитали, появлялись раненые и больные тифом рабочие.

Одни приходили с фронта сами. Других привозили на крестьянских подводах. Третийх привозили

товарищи на посыпках, сделанных из двух винтовок, простых в руках шинели.

Своих городских ребят родина забирала домой, а «тузиков» лежали в больницах. Но некоторых также раненым горючим врачи домой не давали.

По улицам часто стали встречаться похоронки. С барабаном и рядом с ним местный духовой оркестр. Когда кончалась «вечная память», оркестр начинал «Марсельезу» или «Ви-вертено палье».

Отец и мать убитого рабочего приглашали попа, а топорщики — оркестр. Потом, чтобы не потерять заработок, соглашались на такое сотрудничество. Только он не допускал оркестра в свою квартиру.

Но когда хороший мастер, оркестр, по настойчивости своего покойного, играл и в церкви.

Погород становился все болезнен и болезнен. Скоро городка не выдержал в плах. При отступлении из города отец домой не зашел, чтобы не расстреляться. Забылся только один брат. И сразу бросился в свою голубятню. Потом в отцову. Он отобрал лучших голубей, посадил их в легкую, превиненную клетку и привезла ее к своей супине в ранец.

— Всакая, — сказала он мне, — эти голуби по одному будут возвращаться домой. Ты снимай с запояк записки и отоси из Валса Черевашеву, что живет около клаудии за железодорожным мостом и знает.

— Знай, — ответила я.

— Тогда смотри, стерва, — погрозил он мне, — не трепай замком. А то отец вернется — и скрип у тебя спущусь.

И брат, не прощаюсь, как это было принято на нас Голубинке, ушел из дома больными патагами.

На второй день после занятия города белыми пристал синеватый «мохнат». Я сняла записки и отоси Валсу. И на завтра, ночью — загорелись нефтяные баки.

Потом пристал белоголовый турман. И в эту же ночь загорелись пакгауз.

Затем через неделю вернулся домой мохнатый «Шалун». И в ту же ночь стали наступать наши, а внутри города поднялось восоруженное восстание.

На утро отец с братом пили чай уже дома. А я гоняла голубей.

...И в ту же ночь стали наступать наши...

СКОЛЬКО ВЕСИТ КАПЛЯ

Трактористы — мореходы колхоза. Остальные, будь то санитары или паводники, молотильцы или пастухи, стоят и твердо прикасают своих хат. Степным ветром не успевает за день выдуть у них домашних забот, соседские сплетки, привычного дыхания своей комнаты, своей семьи и своего пейзажа, оставленного ими от родных.

У трактористов — изображают они уходят в плавание в стеклодармые моря чирозизма. Их главный тракторист, подобно оторвенному исповеди в просторы. Там все у них смешное, кроме машины. Попрежнему получают они на нарах в вагончики. От одного к другому переходит затрепанный книжка, и даже балалайка, забредшая в вагончик, принадлежит вскому, кто на ней умеет играть.

В колхозах они заходят добро или рать в заседию. Уходят не успевая встать в это шум и дыхание.

Они проходят неподалеку горделивые и немножко отчужденные лица, сидящие в стеклодармойной стоянке. В их молчании — отмыка разговаривать от постоянного общения со столью и взрывами горючего в цилиндрах. Коричневую окраску папусов — чернозем, замешанный на автоэ. — косят из них носы на коже, как матрас татуировки.

И даже кое-когда любопытство зевут расказы о трактористе, который не мылся за все время нахождения в стени.

Худшие из трактористов к машине равнодушны. Впрочем, это не всегда большая неопытность.

Но потом наступает уединение в машине. Это когда тракторист поневоле на разном машинах и напомнит материала для сравнения.

Тракторист начинает ненавидеть старый изможденный «конь», прекрасную машину, дожинавшую последние дни без запасных частей. Ненавидеть и беречь, гордиться своим искусством вязать на этой машине все. Тогда же он начинает восхищаться выносливостью, способностью и силой стalingрадского «интера». Этот «интер» взыгрывает на его глазах. Он вглядывается слабее, это мессы широкорулевой машины, мотал коленчатого вала. Он сладит за плечи прибывающими машинами, ревниво наблюдает, как металла этот кренят, легонько американскую прочность.

А отсюда шаг к тому, чтобы полюбить машину.

Сначала тракторист шел к машине ступенями схематической учебы. Но постепенно ему говорили о мировой революции и о бетонных детях пятидесяти. Они стоят в ее сознании, макетные: еще неясные, похожие один на другого, на фотографии старых газет. Они вспоминают Ему говорят на землях собранных про МТС и памятные ламбади. Он видит со стороны, как вываливают муку и сажи, премьеру отчуждения.

Наконец на тракторных курсах он увидел плавати по машину и чертежи ее частей. Это были линии, теория, говорившая о некоей средней, в действительности не существующей машине.

И вот она, машина... Телега. Металлическая. Громкая.

И вот уже первенческое мотовозное напряжение не забыть бы, куда повернуть руль и какую наладить машину, чтобы не перегревать рулевые.

Уже машина, на собранных трех тысяч деталей превращается в единий двигательный процесс, всплохивающий в сталь.

Уже рулевой научается играть трактором, щадя его в слабых пунктах, но зато вспыхнув из него всю разгоревшуюся, на камуфль он способен.

Уже машина чувствует языкок жесточной тела, Уже можно отвести глаза в сторону, глянуть, как пашет сосса, прислушиваться, каков пахнет ее машина, как она вспыхивает, горячется чувством язвы в ауле, перероду! И уже подает сигналы нормы земледелия, и взволнован инструктора, да и свои колхозники напинают похвалы.

Колхозный пахарь оканчивает здесь в чернильне земли. Уже тракторист видит, как ломеет его машины сводят концы этого пахана с концами. Уже

...Он стоял над степью, впечатанный в серое небо

просыпалась гордость за свой колхоз, — перекликнулся Красное знамя подмыстка над вагончиком.

Газета пишет: «Учтесь у этих». Горизонт степи раздается, становится горизонтом страны. Уже трактор не просто машина для пахания. На краю трактора рулевой опущает приселенный и поднявшийся вперед свой колхоз. И не только колхоз, а хлебный план района, края, всей республики.

Газета говорит: «Империалисты угрохают границы, и тракторист чистят на краю своего трактора, на хлебосыпке».

Уже тракторист сядет не просто сиденье пахаря. Это школьная скамья. На тракторном руле руки учтятся владеть карабиновой бараниной автомобиля — места всех трактористов. За штурвалом начинает мерещиться кабина пилота, а город и вуз становятся близкими, ненебесными, светлыми...

Так и должно быть. Это — маршрут, которым плывут наши тракторы сквозь время, разворачивая лемехами не только чернозем степей, но и крепких целин мозгов...

Дорога коммуны «Коммунистический маяк» уходит за спиной в голубизну.

Степной дорожный тарахтан мы на тачанке, приближаясь к тракторному острому.

Достать лет назад сюда пришел первый тракторист. На молодого парня в троцкистском шлеме сбежались смотреть на коммуну: парнишки больше сидели за рулем, лежачи — за глазами.

Парни отстригнули квадрат за квадрат коммуны. В этом квадрате было и старое помещичье село. Камни и жеело, репетов отсыпали убрали. Трактор двинулся запахивать морган бывших владелец — очевьих королей — под пишением.

Плат резанула землю. Оцепнилась толпа рангунь ахлад и почала, словно в трансе, гляди на эту точку, где, всхлипывая плачально, волны поднимались держи и надав на травяную спину скрип кипятком брохом к небу.

Люди шли, сердечно гляди в землю, как за катышами, как за звездами. Ты могла бы поняться артилера со стороны. Впрочем здесь тоже были покорены Трактор корона старую, медленную, ручную работу.

Тракторист сядя, скрести оглаждываясь. Наконец он остановила машину и кринину председателю коммуны:

— Батю, прогон людей. Бороду затаптывают. Зре пашу.

Но «батю» был спорный и ласк. Он подождал и первому парнику и сказал, что со съехали людьми:

— Паши дальше. Не землю пашешь — могли им напечь.

Это было десять лет тому назад. Сейчас парни уже не было в коммуне. Он руководит одной из крупнейших из земли шире птичьих фабрик.

Дорога виляла.

На горизонте пахали три трактора. На них, черные и молчаливые, качались те, которые десять лет назад прибежали без портк смотреть на фордоз.

Ну и далеко же до табора, поставленного на самий горизонт, так, что не видно в колесах сцины вагончики было ростом с воробья, потом стоя с крольцом, сейчас уже с теленка. Уже слышны звуки металла: тракторист возвышился, приложился к стойке машиной только что привезенной из МТС деревни.

Бригадир — личец Азим. Человек двух жизней. Постомы были, какая у него мекленбургская чистота в коммуне! Какие занавески и беланы стены! А здесь, в степи, он такой же «морской», как и прочие.

— Ты посмотря, какая на нас экономия на лигироне, какая нагружа на машину! Мы по МТС первые! Красное знамя ишо — непощатувающееся.

Но уверености нет в его голосе. Я подсовываю позорные языки, я подсовываю тузами. И покрыть не может. Деятельность, не покрыта с красным знаменем, расплескавшимся в подлинном воздухе, эта вязкая тропосфера вагона.

Действительно, нужен рукомойник. А еще бы лучше — душ, чтобы не заставлялись люди спать, покрыты калом полевой пыли и пота. И не брали хлеб черноземо-автолюбовыми руками. Бригадир глянет меня к машинам, к бочкам. Ему я очине möchte ити со мной в вагон.

Вероятно, каких таких вагонов на тракторных станицах. Единственная барахолка в вагоне. На незадавлене надувается ротик, нахмуря устремы тыфова. Кожи обище. Балалайка тоже вероятно общая. Как артельная «шамаха» у таек золотоискателей. Кто умеет играть, тот и берет.

Гармония конечно аутич. Но чтобы иметь гармонию, надо ей помянуть, надо ее хотеть, добиваться. А тут трудобюст пропор — тракторист седло, тарелка борща, кайка. Потому и киня на стойке такие зашмаки: скучные, давно прочитанные и забытые...

Город, есть в центре руководство по автомобилей борд А-В в вопросах и ответах. Вот бы его!

И идет ко мне свесий, видимо усердно читаямый номер журнала о тракторах, стоящий тайком в кулачфургоне...

Прибалтийское солнце сияет на железных ступенях, ведущих из вагончика. Рон широмы стечено сущь, с храпом прачивают к табору одни за другим тракторы. Руслы спускают заморенные линейки в баки и отсыпывают по мокрому садку сколько наелся горючего. И если меньше, чем намечали, удаляются во всю степь.

Катапультируется брошенный брюхо. Шлангу керосина с duo ведра и кипуя толстой струей. Откачнувшись кока — блекний оплак впитала землю. Ведро подымается из трактора, оно шире воронки. По теплой тракторной спине ползет керосиновый задник.

— Ахмет, товарищ горючка. Ведро у вас не уходит!

Бригадир пытается перекрыть мой упрек своим еще большим возмущением.

— Конечно ведро неудобные. Надо ведра, чтоб дно шире. Но МТС не имеет.

А кто вам мешает пойти на кузне в коммуне край ведра? Используй коробку, чтоб оплаки не пропадали?

Красное знамя над вагончиком розко шелакает. Незадавлене для нас в табор ющас новые гости. Эти красной контролер тракторов. Он находит бросает: «Здесь бригадир!» и идет с машиной к машине пробуя ногой передние колеса, — не хватает же.

Тракторист сядут за них, готовы к уму обстановки и оправдания на случай, если что хлебит. Но таги и голода в порядке. Онердь за матето. Руслы первого трактора стоят, чуть склоня голову. Кто его знает, может быть он сейчас крестит от стояла под черной пленкой грязи. Магнито запылено. Сверху на нем един корисинонн затык.

— А ты знаешь, что керосин резину раз'едает?

А он не провод — коротко замыкает и машина стояла.

Вижу, что-то из трактористов метнулся к своему стальнограду. Торопится глянуть на свое матето пока еще не подошел контролер. Тогда споюс второй. Около его машин контролер произносит похвалную речь о том, как надо ходить за трактором. Проща мимо последней машиной, контролер

лер обваривается; на питательной трубке набу-
гает болезнь, вся в белых отовых нацах капаю-
щая на бульбу и капуши. И следующий: избухла
и капуши.

— Приворон края, — говорит конторлер. — Засечь,
сколько капли весит?

Тракторист унимает каплю не сразу. — Пу-
мажешь, взвешиваешь! Капля! До чего же эти люди на
целом предпринимают любят!

Потом я смотрел, как попали на пашню, тула,
затем стоянка, мелькою оспаривая углы, сток-
тари. Рудольф Альбертович, машинист, подал к
стопней поездом бочку с водой. Я выпил час.
Румын оттолкнул бочку, нацепил ведро, принес
егу машине, отстоявшей на поляне в радиатор, сплюз-
отнес к бочке, динес. Всего прошло три минуты.
Будь бочка подвезена волком влаготу, к бо-
розде, трактористу бы это обшлось минутой
менее.

В tenth вагоне хлопали звуками молотки по
столу, выбывая зорна, и обсуждали смотр.

— Вечером в полигоне на слет рулемах, —
предупредил бригадир. — Всех, кроме первой смены.

...Еду с табора вместе с инспектором, кроша
в кузове драхмой полутоны. Ядра арбузов лята-
ются по моим ногам. Вспомнило всё пинисты, жадне
мило в жизни.

Сколько же может весить капля?

Kакофония трактористы были незнакомы. Лица
перепачканы боями. На склоне кипарисовых ру-
башек лежали серебряные эмалии боксеров. Мес-
тьюшко пущену боксера по середине трубы. Сосед-
бома тускнеет от новизны. Аргумент в руках поло-
сатились зелеными сплошными меридианами. Тракто-
ристка Ольга Монеева была в юнгингтумовке. Глаза
ломались твердыми складками от ее широко раз-
вернутых щек.

Я помню, как в 30-м мы виделись Олю с двумя
девчонками на тракторных курсах. Две ос-
тальные отпали быстро, но она упорно оставалась.

Ее сжимали с машиной, с машиной — с пакетом, с пакетом — с ходилом, ходила живопись, забытое молчание или рутась
стремительно морщинами рутасьстями и, перепи-
рами, снова садилась в тракторное седло... Мони-
сеса вышла в красные ударники.

Скат начался поздно.

В темноте кипарисы сидели рулемы Президиуму
занимая сцену. Она сидела.

Портыт полставши, свой лоб под электрическое
солнце директор МТС. Он говорил только циф-
рами.

Цифром совершили восхождение на гору почета.
Шестая бригада. В среднем дневная запашка 6,5.

Седьмая бригада — 6,2.

Вторая — 6,97.

Девятая — 9.

Девятая га — это уже цифра ростом по весь Се-
верный Кавказ.

Когда трактор ложился под этой вершиной, мол-
чание стало особенно глубоким, и все усыхают, как
скелеты в свое возление в присущему Адам.

Она сидела за тем же столом, изваянная из
коростистого камня.

Тогда встал начальник. Речь его шла к согло-
шенному вечеру издачка, из туманных угрюмых утров
и влаги весны.

Но вдруг вспыхнула тот позорный день, когда
парень бросил овощи на колхоз сей перестал
образовать, послалась трактористы седла.

Наполз творческий в табор, как буря. Он по-
требовал, чтобы все сели за машины.

Он не слушал ни одного возражения.

Да и не пытались ему возражать, запускали ма-
шины, опенившиеся парни, которым начальник прики-
нул что-то вроде никогда доселе им не санкционенного:

— Слушай, Альберт, какую ты сейчас шутите?

Начальник говорил тогда, что если ногоды из
колхоза забьют трактористов, то надо ити в по-
литотдел и вместе с ним творить ногоды.

Но машины кинуть нельзя.

Часовой в Красной армии не уходит с поста,
хоть бы грозды смерти.

Парень было стыдно. Он налегал с той же
утирой склон, с какой он был час назад.

Он обиженно сидел, покосился, и действи-
тельно они сумели взвалить свой позор глу-
боко в склады работой следующих дней.

Он восхищенный начальник перешел к скогоди-
нemu дню.

— Вы, трактористы, перелопаки в деревне. Вам
доверены машины. Вы одной ногой в прохладе
района. Ваш вагончик должен стать центром куль-
турной жизни в колхозе. Там должна умыть работа
плюс.

...А теперь мы будем премировать наших луч-
ших. Первому из первых — Альберту — 150 рублей.
Волейбольный мяч и сетку его бригаде. Оль-
шадь. Мы ее не успели купить. Купим завтра.

Оля показала мне на ухо:

— Пусть шерстяную, черную и большую. Ма-
ленькая у меня уже есть.

Адам встал и разошелся.

Он был возбужден, а по-
том языком, на котором он говорил, была гла-
зами междуду русским и немецким.

— Правильно насчет вагончика скава, — пояс-
нился. Читаем когда газета? — Нет!. — Что надо:
вагончиком выписать бюллетен. Смо-
трите, никакими. Что теперь в ми-
ном демаске. А еще будет скучно. Сколько
конопли нарочно плох работает. Жаль: другие
вырастают.

А я скажу: работай на себя, ладыра!

Мы тебя вырастаешь не будем. Мы сделали 9 га.

Будет больше. Выходи, соревновайся! Кончи-
шь нас у нас. Бригада. Попробуй отынти! А только
мы не дадим.

И я поднялась.

— Соревнование будем, — сказала она. — Но
соревнование надо не одной тракторной тягой.
Надо соединить вагончики вагончиками, чистыми тифи-
ками, никакими умывальниками. В следующий раз не давать знамени, у него табор будет помя-
нами.

Бригада из бригадой включена на склон. Они
принимали соревнование, общаясь следить за пред-
вагончиками ремонтом и смакуя давать во-вздоры,
и автостекла текучебу, и экономить корсона.

В momоке блокете висели нарисованные первом
каспии и цифры. Я попросила слова на them:
сколько весит капля.

— Десять капель, товарищи, — грамм. А трак-
тористы — 150 грамм в Слове. По

капле с машиной — всего 15 килограммов, — доста-
точно, чтобы вспахать один гектар... Но разве речь
о капле? Вы, пожалуй, с четырьмя лягами на машину
спаслите за день.

— Болше! — крикну-
ли из зала.

— А четверть альфа — тысяча нефти.

Это для техники, для техники, для техники
холодных га в день. А ведь это доля работы трактора
в год, что две сорок тысяч
гектаров.

Вот сколько весит капля.

А сколько весит минута?

Вспахать гектар надо 150 минут. Пусть каждая

трактористка проработает в год...

Миллион гектаров, —
показалась ко мне Адам, — сделай больше глаза, —
об, об!

...Мы здадим грудинки, развалим ее тесной ав-
густовской траве и гляди на мессы. Мы вспахи-
вали землю от света бал-
лонов фонари машинами бы-
ли мы на машине. Сдела-
ли мы на машине. Сдела-
ли мы на машине.

Девять минут в день можно считывать.

— Болше! — ответили из темноты зала.

— Тогда миллион гек-
таров подавляем в год...

— Миллион гектаров, —
показалась ко мне Адам, — сделай больше глаза, —
об, об!

...Мы здадим грудинки, развалим ее тесной ав-
густовской траве и гляди на мессы. Мы вспахи-
вали землю от света бал-
лонов фонари машинами бы-
ли мы на машине. Сдела-
ли мы на машине. Сдела-
ли мы на машине.

Черни были разлетели
степей и, когда накаты-
вало, пустое забытье,

когда вспахали дубом
черни степи по обе
стороны дороги.

Она положила руку на
кошко сестры и запела

расторганным голосом про
кого-то, кто ушел и ни-
когда не вернется и про

сестре, которую разор-
вала.

Рулемы ездили молча,
прямые и усталые. Не

уничтожил только Адам.

Возбуждение речи по мол-
го в нем утихнуло, а

глаза, как в краевой слег-

ка, сияли, потому что тут
да было позором и бри-
гадам пятидесяти луч-
ших бригад края.

Но и его утихомиряло разиновое подрагивание
машинки... Сосед подался ко мне, я не видел в тем-
ноте его лица, и сказал:

— Миланом га! А ведь это, чорт возьми, много!

В следующий раз я встретился с Адамом уже
через два месяца. Ему бригада назада-
зия. Над головы, как валившийся верблюд, сте-
пами холодющий ветер растягивал облака и тре-
пала коронацию воронины.

Адам был бледен. Он говорил что при-
шло время счастья. Он рассказывал, как сидел в
предыдущем рядом со Штейнгардом, а потом вы-
шел на трибуну и говорил пять минут о том, как
помогал бригаде полигонета. Но на самом бригады
многих нехватило. Предыдущий дядя ему еще пять.

Его катили в танке, и он хотел стать танкистом.
Он поднялся на арматуру. Это было страшно.
Стрелы, стрелы, стрелы! Если бы поднял выше,
он бы заслонил от у情人.

Он выны из кормана замороженной линейки,
стальной, с десницами. Все, слизавшиеся, рассекая,
стали сгивать и разгибать ее зигзаг. На линейке
была надпись: «От рабочих Сельмании делегатам

столицы». — А еще, — сказал Адам, — подарила мне кисть
для табаку.

И на наших головах засиял флаг, развернут
на момент белые бузы «Аполла» в орнамент под
ними.

— Стандарт здесь, — сказала мне Адам. — Погоди
минутку.

Он взобрался по стеку вагончика, развернул
занавес во всю ширину похвальных надписей и
поднял руку: он стоял над всем стекло, впечатан-
ный в серое небо.

— А теперь снимай на фотографию, какие мы
краснознаменные и какая есть наша работа!

...Арбузы в руках полосатились зелеными своими меридианами

ДЯДЯ СЕРЕЖА

Рассказ

2

Его зовут дядя Сережа. Он уже старик. У него худое лицо и необыкновенно большие светлые глаза. Он токарь-лесовальщик. Вернее, токарь-художник. На своем станке изготавливает точнейшие модели из дерева, токарного инструмента, различные инструменты и разнообразные калибраторы. И если мы, токари, делим миллиметр на 100 частей, то он делит сотню миллиметров еще на 10 частей: его работа требует точности тысячных.

Сейчас мы обступаем станок дяди Сережи и рассматриваем готовые детали: слоники, маленькие дельфины, удивляющие замечательные игрушки. Дядя Сережа заслуженый народный художник, мастер токарного производства, изобретатель, изобретатель токарного инструмента, изобретатель инструментов и разнообразных калибраторов. И если мы, токари, делим миллиметр на 100 частей, то он делит сотню миллиметров еще на 10 частей: его работа требует точности тысячных.

Сейчас мы обступаем станок дяди Сережи и рассматриваем готовые детали: слоники, маленькие дельфины, удивляющие замечательные игрушки. Дядя Сережа заслуженый народный художник, мастер токарного инструмента, изобретатель токарного инструмента и разнообразных калибраторов. И если мы, токари, делим миллиметр на 100 частей, то он делит сотню миллиметров еще на 10 частей: его работа требует точности тысячных.

По своему возрасту и статусу дядя Сережа уже давно заслужил "сподвижника", но это он не хочет, не хочет, не хочет.

— Я, пожалуй, пойду-здесь, в цехе. Вот прими за сподвижником, сяду вот там, как сейчас: за курило и на наших глазах прикончуся.

— Ну что же, мы тебя тогда в крематорий — выносим, как кто-нибудь из нас... Мы тебя всем заслужили, чтобы провожать. Оркестр заводской будет играть.

— Нет уж, ребята! Всем меня тут, без глупостей, по-русски. Места я много не займю. Вам уж мне земли три аршинчики не покладайтесь.

— Мы тебя, дядя Сережа, — опять хочет кто-то спрашивать, но он вдруг хмыкнулся и перебивает:

— Ну-у, довольно болтать.

Дядя Сережа пришел в наш цех 44 года назад.

Он был участником забастовок, походов и ссыек и после революции первым вернулся на завод. Об этом дядя Сережа рассказывал, когда мы сидели за столом, как заслуженный лесовальщик свой станок из рухмы и мусора, который был завален цехом, как сордце его забылось от радости и нервированности поскорей расчистить весь завод, вернуть к жизни о немение цеха, как называли его первыми красными директорами завода и приняли в партию большевиков. Но с директорского места дядя Сережа ушел опять к станику. Случайно ему показалась рабочая директора.

— Нет, я уж лучше товарищ буду. Оно привычнее и менее для себя, — отрапортировался отца.

С тех пор дядя Сережа рассорился на всех. Он три года состоял членом цыганского кооператива, но квартиру ему не давали. Из-за этого начальник опять, как в старые годы, выпилить. И часто жаловалася на него на свою судьбу:

— Вот, ребята, — говорил он, — за 44 года работы и квартиру новую не заслужил. Нету же, нету...

И мы, его ученики и любители, часто видели, как у станика на глазах навертывались слезы и он досадливо отворачивался и гнал нас от себя.

В день, когда все это случилось, я сидел в заломе, дожидаясь своей смены, и скучал. Из окна было видно скромные тучи, обложившие небосклон, темные, блестящие краинки десок и унитазов, покрещенные на докладе проходящая будка, на которой изредка вглядывалась бледная физиономия милиционера. В заломе было грязно и темно. Сережа с азартом ходил на скамье, на которой лежали скопленные изображения Ильинки, маленький и великий человек, погружаясь в сознание каждого бугра. В соседней комнате, где помещалась редакция нашей газеты, надоелико быстро стучала машинка. А рядом, за большим письменным столом, разговаривал с народом секретарь парткома Егор Иванович Филиппов.

Вдруг с шумом распахнулась дверь, и на пороге показалась старая и распухшая дядя Сережа. На нем было старое рабочее платье, изношенное. Жизненные краски смыты на лице, и на них мельчайшие капельки сверкала вода. Еще никогда не видел его таким. Нетерпеливыми шагами он подошел к Ильинки, оперся лапистыми руками на край стола и минуты две в упор, не моргая, смотрел в лицо.

— Ты что же, и заниматься с нашим братом не хочешь? Да?

— Да ты, дядя Сережа, никак, вина.

— Нет, я говорю, что, с рабочими заниматься не желаешь? В бирюзаках зададешься? Так? Так?

— А ты, должно быть, на старости с ума сошел или что? Чего тебе нужно?

— А ты не знаешь? Не знаешь, что обещаю. Забыл, да? Говорю мне сейчас, когда квартиру дадите, я начну сейчас все those бумаги разворачивать к короткой бабушке.

— Ты что же, дядя, старый дурак! — не вытерпела Ильинка. — По порядку получиши. Есть я тебе побольше твоих лягушек, а жду. Я и сам знаю, как ранить, и квартиру не брал никакой.

— Если такое отношение, ухожу с завода к ядерной матери. Я уже давно имею на это право. На этот же момент, карточки, на вот партах... Нет, хотя дай я это Егору спасу, это ему нужно, — он быстро побросал на стол все документы, потом склонил голову и бросился в соседнюю комната Егора Филиппова.

Но Егор благ, искамбайт и киртам. Не хочу писать. Но даете квартиру, так ни вас ко всем писать.

Филиппов поднялся на краешек стула и удивленно приподнял пухлые черные брови.

— Ты что же, партию лешаешь квартиры неешь? Ты виноват?

— Зачем так? Не так, а вдропах с совсем по другому.

Дядя Сережа вдруг смущался, забормотал что-то и кубарем выкатился из залома, оставил запах спиртного.

3

А вечером на другой день, когда в цехе уже зажглись огни, в заломе началось открытое засе-

дание борца парижской кружки, на котором стоял вопрос о дяде Сереже.

На стульях, подложенках сидели рабочие — парнишки и белобрыски. Я долго искал глазами дядю Сережу. И только когда все были уже в зале, когда комната дооткрытой набилась людьми и дымом, я увидел и его. Он сидел в углу, закутанный в пальто.

Множество тем Филиппов привел, вопросы и на которые я не мог отвечать. Сперва он спросил о дяде Сереже. И только когда я все рассказал, что дядя Сережа сейчас не обижен свою поведением.

Тогда поднялся дядя Сережа. Минуты три стоял молча. Наконец он с трудом выдавил из себя несколько фраз:

— Партия и завод — это для меня все. Всю жизнь я проработал здесь, на заводе Но... Но... и это голова не виновата за то, что я виноват. Я виноват виноват виноват... Вот, хоть говорить, проси слова, в то время как другие, еще не получив его, уже говорят.

Из-под пальто дядя Сережу засмеялся голосом из-под юбки.

Вечером я вошел в домой вместе с ним. Морозко, дождик, и фонари разрабатывались по сторонам мутиль свет. Мышли молча, и только под конец, когда он подал мне руку, свергнув ее с лица, я увидел, что на руке имелась кровь.

— Ну, как же, дядя Сережа, значит, не приешь завтра на заседание?

Он удивленно покосился на меня и как будто ничего не произнесло сказал:

— То-есть, как же правда? Ты с ума, брат, сошелся... должно быть... — и скрылся в черной пасти двора.

4

Утром он был на месте... Я терялся в догадках. Ведь он только вчера отказался работать, а сегодня...

А сегодня, как и во все прошедшие дни, он напивалась к стакану, чистейшей чайной тяжкой пропитанной очи в железнодорожной спиртке, вытирая сиюм и тысячи миллиметров. Только какая-то незадачка для построения теней легла на стакан. И дядя Сережа в тот день не подошел к чаше за советом. Егор молча боялся этим обмануть и потревожить его.

Так прошло несколько дней. Дядя Сережа ходил хмурый. Почти не отвечал на приветствия. Переходил ходить в заводскую столовую. А когда кто-нибудь приближалась к его стакану, делал вид, что не замечает, или нарочно отворачивался. Выходить не стал, чтобы стакан не перенесли в чашу. Тогда Егор, не зная, что делать, как близко в заломе, по загадыванию на производственные сомнения, где его слово ценилось на вес золота. После работы он торопливо, глядя себе под ноги, уходил из цеха.

Но однажды не выдержал дядя Сережа.

Попрекнув цементом в заломе на счетах и стучал машинисткой многоигориан. Протягивавший к Филиппову, дядя Сережа, как бы к скрепке, и уронил ее в ходу.

У меня к тебе, Егор, дело.

— Давай, дядя Сережа, твою дело, сейчас же разберем, — улыбнулся Филиппов и потом сердечно добавил: — А ведь и у меня к тебе тоже дело есть.

— От квартиры откажешься... — бухнул дядя Сережа.

— Что же, не нравится?

— А когда же мне нравится? Хороши прямо. А тогда не пущено мое прожект и так.

— Ты что, серьезно, что ли? Квартира у тебя по правде. И очередь дошла, и пай у тебя сполна внесен.

— Верно, и все-таки не нужна. Тяжело мне, Егор, из-за этой квартиры проскакать. Все сплохие потеряю. Места себе не нахожу. Как ты сказал: партко и завод на квартиру сменять захотел.

— Ну, ты это оставь, дядя Сережа... Ты поискал подвалы, ребята побегали, поговорили, спорили. Думай же: большое ошибку мы сделали на насчет тебя.

В этот вечер дядя Сережа доложил, как никогда, присоединился к Филиппову, где спать в полночь собирались борцы. И когда вышел он на склонный холм, видел его дрожание.

— Не добывалось ему, что не было у него еще в жизни такого дна. «Ах, дурак, старый дурак», — бормотал он себе под нос. — В такое время издумали разводить антибиотик, ровно маленький лите... Ах дурак...

Молодость величного поколения

(К десятилетию со дня смерти
В. Ильини)

I

Через неделю жандармы перевезли юношу, почти мальчишку, из темного винного подвал в Лукьяновскую тюрьму.

Сразу после тюремной контракции парнишка усыпал пение революционной песни.

Он удивился, другие тюремные встречали его гаупт- и немо. Люди в камерах открытыми ртами только в забытии, но не. Они становились или осторожно беседовали со спящим. Это было бред.

Задесал песни наизусть.

Шум был в тюремном дворе совершенно гимнастический. Заключенные брали и гремели, как на международной переноске. Может быть они играли в мяч?

Служители тюремной конторы привыкли мордиться, но и общим беспокойством ничем понарушило их трезвой работы. Они притягивались к нему...

Страница старина!

Парнишка видел через дверь в назначенный камеры Ага, все в чём-то дядя! Несколько молодых людей из группы студентов. Они носились по обширному концу двора в другой и по другому. Студенты — это гуру-хулы, это гуру-хулы! Их тут! Волыни! Они вспыхнули. Они оскрестились. Они гулмутятся. Обстановка гимнастической уборной, где можно распустить языки и отстегнуть сапожки тут затянуты в классах пуговицы. Среди шумихи молодые люди малят молчанием фигуры других студентов и рабочих-революционеров. Они иначе обучены трудом и скреплены искусству революции. Многоголосый «гимнастический» шум они подтверждают своим осмысленным движением, своим движением. Профессиональные рабочие! В их числе сидели в Киевской тюрьме Бауманы, Антагонов, Бобровский.

Увидел парнишка, люди из группы крикунов мечтали к нему с распросами.

— Откуда? За что? Бедига, какой он еще! Кому! Руку, товарищ! Шумы, шумы!

(Как будто революция — это прежде всего и только — шум.)

Парнишка привык к шуму, к шуму, к шуму, другого человека, который заснул слишком много. Судите, тюремные боится шума, а не шума. Они боятся молодых рабочих, а не гладильщиков студентов. Как опасен человек, который может на долю, когда ему вымрутчатают руки, когда слова из него пробуют выматывать прикладом.

Будничный шум наложил студентам.

Большое искусство, они устроили праздничный шум. Это была обструкция. Случай в двери. Гремело табуретки, стулья, настывали из камер часовки.

— Продолжайте!

Через 20 минут приехал прокурор Корсаков. Все расходились по камарам.

Он поклонился в обхватах.

Его спрашивали о причинах ареста.

Не выпытывали из них кармана, этот даровитый тореющий наставлял отвечать каждому его инкриминации. Какая память!

Вот прокурор дошел до камеры молчаливого, парнишка.

И тут они выскакивают студенты-конницик и голосом народного трущебника спрашивают:

— Зачем вы держите в тюрьме этого мальчика? Он ехал искать заработка. Его вытащили из поезда, таскали по всей России и наконец привезли за привозить земель, в Киев. Зачем? Это ребенок.

— Как его фамилия? — спрашивали прокурор.

Ему отвечали.

— Этот ребенок, — не могли ни минуты разъяснить прокурору, — будет спасено во всем мире лучше, чем мы. Ему покоряется не организация транспорта, людей, литературы, типографии для подпольного общества, имеющего сеть — «Искра».

Удивленный молчанием.

Прокурор следил дальше.

Клиники со свитой стоят, раскрыты рот.

Потом он подходит к мальчику и спрашивает —первые тихим голосом:

— Это правда?

Ленин в группе основателей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — 1895 г.

— Чушь, — отвечает мальчиш. — Какие гаупт- и спи!

Однако кого его знает, что у него на душе! С этой группой студентов он ведет себя скретно, как будто это не его компания.

Но где же тогда его компания?

Оно обнаруживается через некоторое время, когда парнишка вместе с группой заключенных организует побег из тюрьмы.

Все мы помним этот побег.

Таким образом и был в желтую коробку Николай Бауман.

Там Антагонист получал в передней блузу цветы и змыла из него маленький якорь, и они сняли на простыни лестницу, привязав ее к якорю.

Бауман гремел лестницей консервной коробкой, и думала часами, что это шумят студенты, и хрис один из них с триколом по рту.

Молчаливый парнишка на тюремной стоянке сорвал с себя аристократический kostюм и первым спустился, неся скользя руками по веревочной лестнице.

Потом он снял вину, привернувшись к деревянной Веревка белая розовая от якоря из его разодраных пальцах.

Так белкам в 1902 г. из Киевской тюрьмы 11 революционеров и среди них бауманов и парнишев, которого в баринском подвале прозвали Фрейдом, что значит птица.

Они сняли с себя все знати от Осипа до парнишки, работавшего в Комитетах. Затем этот побег из Киевской тюрьмы был подоговорен и прозван революционной организацией «Искра».

II

Мы вспоминаем здесь о разъяснениях в Киевской тюрьме наставников мальчиков революции и ее «приятелях», забытое великое разъяснение шло тогда по всей России. Орудием этого разъяснения стала созданная Лениным газета «Искра». В заголовке ее стоял ответ декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя». Своимением она освещала лицо людей и тогда они переходили по ту или по се сторону реальной революции.

По ту сторону стоявшими на позиции «студенты», рабочие, повары. Боги среди них юноши-селяне, забытые люди, пумы, пророки восстания, оружием которого они называли только слово, слова, фразы, революционные тосты и спички.

Мы снимаем с этого книжника его большую заглавную бузы, он становится просто книжником, бузыком, бормотателем прописных истин марксизма, пророком парламента, этой стомы в царстве высокопарных фраз.

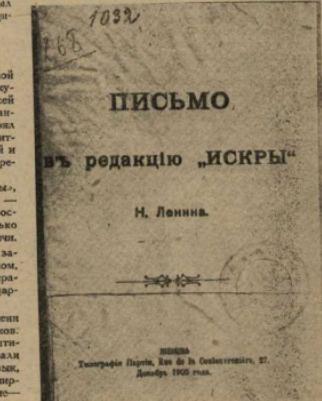
Социал-демократическое движение того времени было засорено десятками тысяч таких книжников. Разнообразно окрашенные, пестрохвостые, эти птицы на разных ветках разными голосами чиркали свои песни «по поводу революции», распугивали, красно, подобно хвосту. Одним из них под «сирном» («бабятинским») раздавали революции. Другие — о необходимости проводить ее легализации (во что

было то ни стало), «дозволенными», « приятными» властям и броухими средствами. Третий — о том, что рабочим не стоит думать о политике, это дело интеллигентии, рабочим же следует зевать за птичек, за экономические свои интересы, а крохи, сбрываляемые с барского парижественного стола.

Соответственно всем этим песенкам, птичек стайки буруханные и молокобурханные «революционные» назывались или экономистами, или легальными марксистами, а функции их были функцией птицы, приводимых на руки и из которых подавлено подлинное социалистическую революцию.

Множество из этих песенок занесено было в рабочий альбом лилии России с Запада. Оппортунизм — явление международное. Он народился вслед, как проглатское революционное движение начинило угрожать самим буруханам, ибо пытались отвестить революционную бурю в сторону, разстроить ее в малой парламентской зоне, ослабить, успокоить, разрушить рабочих легкими уступками в то время, как для последних вопрос застался в виде вопроса капитализма, а в позиции его зияющими.

Пролетарское революционное движение носило в России международный характер, поэтому российский оппортунизм соединился с оппортунизмом всего мира. Во многом он поступил к нему и обу-

ства, которые закалили революционеров на долгие годы».

Настоящая партия может быть сплошена вокруг настоящей, боевой, принципиальной политической программы.

Всем заседаниям сопротивлялись оппортунисты, противники ленинской программы, ибо это было вопросом жизни и смерти в партии.

Они возвращались в каждый пункт программы и пытались спутать его ленинским приемом в рост своего оппортунизма.

Они делали это многочисленными, иудаинами, как сабаки ткаческие, речами.

Алтунниковец Мартынов, экономист, обзывающий ленинских пади создания партии «заговорщиками», «кобяйским планом» организации.

— Яконыцы! — кричал он ленинцам.

Он подавал, что это звучит осторожностью.

Он утверждал, что реформистское сознание пролетариата развивается стихийно, в море капитализма. Партия здесь нечего делать. Нужна ли тогда вообще партия, нужен ли сам «революционер» Мартынов, не следует ли всем реформистам и оппортунистам «стихийный» процесс развития? От этого Мартынов не говорит.

Другой экономист Аксаков пытается выбить из программы пункт, который, подобно колонке, держал на себе все мощное здание партии — пункт о диктатуре пролетариата.

Этот вздор был однако послан тем, что обнаружил реформиста и оппортуниста в Троцком, иные скапливавшиеся до роли вождя передового отряда контролеров и биржевиков.

Третий пробовал вскружить Аксакову, по существу отыграв возможность пролетарской революции. Гнадое реформистское курточко этого человека заговорило здесь полные голосом.

Абсолютному большинству съезд принял ленинскую программу партии.

Факт голосования еще не знаменовал собой единства в «искровских» рядах.

— Программа партии, — считали ленинцы, — это обильное юю капитализму.

— Мы пишем свою программу, — уверяли они марксовцы, — на случай конституции.

Домашние птицы капитализма во главе с Мартыновым отставали, абсолютную святость и действенную непрекословимость таких принципов «демократизма», как свобода печати.

Услаженные петуши и куры буржуазии оставляли в руках помещиков, генералов, попов, фабрикантов, жандармов, авочинчиков такое мощное оружие, как печать.

Мешанины бреагливо отмакивались от союзника пролетариата — кресты.

— В крестьянстве мы много сделать не можем, — бесполезно приговаривал марксовец Егоров.

— Вся программа апрадная — линия, — подхватывал мещанин Махов, — предлагаем отвернуть весь юю аграрную программу целиком.

— В 1848 году, — говорил Аксаков, — Маркс сказал, что в крестьянстве есть не только пролетариат, но и рассудок. И, указывая теперь крестьянской бедноте на причину ее бедности, мы можем рассчитывать на успех.

Свойской политической дальнозоркости Ленин на съезде 1903 г. закладывал в программу те самые принципы, что победили через 14 лет после съезда и победили через 16 лет после Октябрьской революции. Победная триумфальная аудитория ленинских аудиторов по крестьянскому вопросу, соответствующим этапам революции. На первом этапе — крестьянской бедноте против помещиков и земельного землевладельчества для сокрушения царя и помещиков. На втором этапе, опираясь на бедноту принейтрализации сельского — против буржуазии в городе и деревне. На третьем этапе, опираясь на бедноту в селе с серединником — против кулака.

На II съезде Ленин создавал партию настоящих бойцов за социализм, за диктатуру пролетариата.

«Наша задача, — говорил он, — оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять знания и значение членов партии выше, выше и выше».

Был разорвана на первом же пункте устава партии. Мартыновская формулировка стала вход в партию, и сопротивление болтушам, склоняющим, соглашающим, играющим в революцию бабы, соподчиняющим.

Ленин сформулировал первый параграф так, что партию могли войти только солдаты революции.

Свою кабинетную половинчатость в практическом вопросе революции выдал Плеханов:

— Послушав Ленина, — сказал он, — Ленин прав. Послушав Мартова, — Мартов прав.

А Ленин тайну марковского оппортунизма раскрыл впоследствии так:

Ленин ответил:

«По отношению к неустойчивым и шатким заседаниям мы не только можем, мы обязаны создавать «осадное положение» и весь наш устав, весь наш утвержденный революционером и праздноболтатом им очень трудно, поэтому нам необходимо было создать понятие «члены партии», они же, в моменты неспособности до заседания высоки, очень высоки».

Все же на II съезде прошла формулировка Маркса и Ленина: привести исправить эту «ошибку» на III съезде партии.

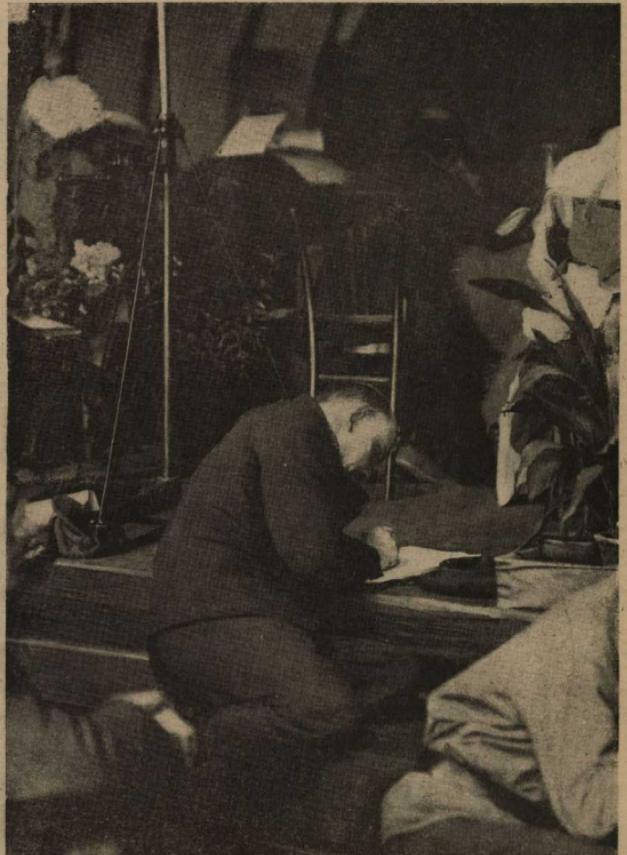
Ленин на II съезде был как всегда непримирим, принципиален в каждом своем слове — сила его идей была непобедима.

Он заканчивал трехлетнюю работу «Искры».

Он создавал партию профессиональных революционеров. Бессупорядочную пролетариатскую партию нового типа.

Он защищал ее от болтузов.

Он видел историю так далеко, что осознал, зачем нужны мы на II съезде, жертву до сих пор. Ленинизм, ярославский и информационный в эпоху империализма и пролетарских революций, стал знаменем для всего угнетенного человечества. Под этим знаменем партия большинством, созданная и руководимая Лениным, победительно сопротивила и закрепила завоевания Октябрьской революции. Под знаменем Ленина партия большинством, руководимая ярчайшим учеником и продолжателем дела Ленина. Сталкиваясь, победительно сейчас строит социализм.

Владимир Ильин записывает речи ораторов на III конгрессе Коминтерна.

АРТИСТЫ, ХУДОЖНИКИ, МУЗЫКАНТЫ—

25.000 художественных самодеятельных кружков в городе и сельской

Несколько тысячников энтузиастов в театральных, коровых, музыкаль-

ных, танцевальных, изо и других коллективах.

150 миллионов зрителей, скетчами обслуживаемых этими кружками в

городе и деревне.

Эти далеко идущие данные — ярчайшие показатели беспримерного

в истории человечества роста культуры в Стране советов.

Самодеятельные коллективы смогут с гордостью рапортовать XVII съез-

ду ВКП(б) о своих успехах.

I. Зрелищный коллектив при мос.-«Красный деревообделочник» выходил

из кировском клубе «Красный деревообделочник» на одно из первых мест в «ст-

юниор» существует одиннадцать кружков: хоровых, летом колхозных,

гол. Огромный путь отработан, и впереди — два года, со специ-

ализацией на деревообрабатывающей, до посто-

янно болеющих письма прошел этот кол-

лектив. Напряженная работа над тек-

нической речи, овладение сценническими

навыками, «секретами» поведения на сцене дали свои результаты. Пост-Маймаксовским радиозулем с «Зимо-

новкой» пьесы «Суд» (руководитель Юрий Частушкин).

Свердловский коллекти

П. Колхозники в этом году пока-
зали геронскую борьбу за урожай,
за общественную собственность. Кол-
хозники предают настойчивые тре-
бования на регулярное художествен-
ное образование.

Кружки заводов, фабрик, обла-
стных отделов профсоюзов посыпают
художественные агитбригады в ле-
тнюю. Сейчас в крупнейшие мос-
ковские театры ведущиеся в произ-
водственный поход им. XVII съезда
ВКП(б). Театры принимают на себя обя-
зательства систематически обслужива-
ть артистов, художников, а также свои
подчиненные колхозы и МТС, инспи-
ровать колхозные кружки и т. д.

Ноинко посыпал своих бригад в
деревню театры снабжают подшер-
тные колхозные кружки пьесами, пари-
ками, гризмами, батафорней, помогают
об оборудовать сцены клубов и т. п.
В Москве нет ни одного театра, ко-
торый в той или иной степени не по-
могает в развитии народной художественной
самостоятельности.

Занимательная колхозная жизнь дол-
жна стать жизнью культурной и кра-
сной. И искусство должно проложить
себе путь в каждый колхоз, в каждую
МТС, в избу каждого колхозника.

На снимке: агитбригада в колхозе.

III. Растет мастерство участников
самодеятельных коллективов, идет
упорная работа над овладением слож-
ными классическими произведениями.
Танцевально-хоровая группа завода
ТИЗПРИБОР (руководитель И.
Свирцов) с большим успехом исполь-
зует хоры из опер «Садко» и «Снегу-
рочка» Римского-Корсакова, «Мей-
стерзингера» Вагнера и др.

Группа ищет новых форм подачи
материала, сочетая пение с танцем.
Она обслуживает рабочие массовки,
экскурсии, вносит бодрость и веселое
в отдых рабочих.

Но, к сожалению, далеко еще не
все самодеятельные хоровые кружки
работают над собственным усовер-
шенствованием, расширением рамок
исполнительского репертуара. Это проис-
ходит главным образом из-за отсут-
ствия опытных и квалифицированных
кружководов, которым могли бы вести
кружки по правильному пути. Кроме
того чрезвычайно отрицательно сказы-
вается на работе хоровых кружков
и большая текучесть их состава.

Поэтому, норужая отстющие хо-
ровые кружки опытом лучших, проф-
союзные организации должны принять
все меры к обеспечению их зареко-
мендовавшимися себя кружководами и
руководителями.

ИЗ НЕДР РАБОЧЕГО КЛАССА

IV. Прыжки «картисты». Садок об этом с пыльцевской быстрой облетает все дворы. Желающих посмотреть спектакль обычно больше, чем может вместить школа или изба-чтальня...

Огромную изобретательность и выдумку приходится проявлять кружковцам, оборудуя сценическую лавку, сделав из нее «декорацию». С помощью деревенских композиторов преодолеваются все трудности постановки.

На снимке: драматический кружок московской фабрики «Свобода» (художественный руководитель А. Стасенев) в деревне Кашевенки ставят пьесу «Переполох».

V. Музикальные кружки при клубах служат аудиториями для проведения музыкальных концертов и занятий народными художественными промыслами. Выступления с вистрады клуба, облучивание семейных песенников, совместная работа со земляческими коллективами — таковы формы работы музруковождий. И с ростом культуры исполнителей отходят задний план: примитивные произведения песено-договорные песни и т. д. Серезно и целеустремленно разумеются народными способами промыслов и народных классов.

Кружкования всесоюзная энзимпала самодеятельного искусства показала огромные успехи. Выросло не только мастерство оркестровой техники, но и культурность репертуара кружков.

Бетковин, Шопен, Римский-Корсаков, Бородин, Чайковский, Мусоргский и др. уже крепко входят в вошли в репертуар руководителей музыкальных кружков.

Сейчас перед клубами и музыкальными кружкованиями поставлена еще одна задача — воспитать наиболее одаренных одиночек, имеющих особые наклонности к музыке. Путешки в музыкальные школы и танцевальные обеспечивают таким индивидуалам из рабочего молодежи серийную чубу и открывают дорогу к блестящему мастерству квалифицированного музыканта.

На снимке: музикальный кружок клуба им. Русакова на репетиции.

VI. Изобразительное искусство обсуждается все политические кампании: борьба за выполнение профплана, за воинскую культуру и реконструкцию быта, разработание прогулочных, развлекательных программ и т. д. Перед изокружковцами стоит также почетная задача: создать портреты лучших ударников, героев труда. В изокружке клуба хотят изучить и развить романо-картинарную, умело достичь пластики и цвета, мастерства.

Нередко скучным академическим рисованием они отталкиваются от кружка наблюдением творческих одаренных ребят.

Часто разыгрывают работу кружков и сама администрация клуба, заставляя кружковцев только рисовать до-

взгляды писать обивалки и т. д.

Здоровые творческие силы, заданные в рабочем молодежи, выразились в том, что в последние годы все больше и больше молодых одаренных кружковцев, выступающих на клубных профсоюзных выставках, направляются для усовершенствования в художественные школы.

На снимке: изокружок клуба фабрики Яхромской мануфактуры. Ребята рисуют портрет ударника-рабочего.

Мих. ДОЛГОПОЛОВ

В наших гаражах мы обнаруживали повсюду разлитое масло и горючее, заливавшие полы, холмом смотревшие ваннон. Мы наблюдали установку деталей на место при помощи кувадил или лома. Мы видим тяги, скрепленные проволокой, заплатами и протекающие радиаторы.

Тревожные сигналы о муках, которые испытывают автомобилисты, раздаются неизвестно где и чьими. И конечно самым лучшим ответом на них является бы распространение той автомобильной культуры, знания которой уже 10 лет несет автобус.

Каждый автогонщик нашей автомобильного хозяйства, лучшеший ударник каракумского пробега — старец членов московского клуба.

Автомобиль является настоящим подтверждением современной техники во всех уголках нашей жизни. Поэтому он, может быть, и имеет такую притягательную силу, особенно для молодежи. Властиное желание команды скорости легко овладевает умами. И вот поэтому Автотуризм отнюдь не является клубом старых автомобилистов. Более того, он имеет все шансы стать именно молодежным клубом.

Всего не надо было ходить машинами, чтобы стать его членом. В мотосекции клуба мы знаем товарищей, которых дружески окрестили «каличек» «безбандажных мотоциклистов». Собственная машина? Сегодня ее у них нет. Но они уже прошупали пальцами каждую деталь. Они уже, помогая товарищам, заправляют мотор, прикрепляют адюном вспомогательную трубку двигателя: они чувствуют мощь движущегося мотора. Кроме того надеются получить в свое распоряжение машину отнюдь, о которой не упоминали.

Возьмите т. Чормы. Он вложил в дело немало упорства и времени. Вот этот газ умел угадывать нажим в грудах металлического утиха. Вчера им приобретен был бесценок старый картер с шатунами. Сегодня на кладбище найден цилиндр. Он конструирует, прикалывает, обрабатывает в него, как на сонных станах, какие-то детали. И, гадлив, засовывая в машину свою голову, побеждает рукоятку, вынимает фланец, откусывает концы и снимается с места на экспериментальной машине, одухотворенной его собственной изобретательской мыслью.

Такие возможности обеспечены всем. И вот почему молодежь, проникающая в технику, окончою собирается вокруг Автотура. Вот потому условия для создания филиалов клуба имеются вполне реально во всяком рабочем центре. Нужны ли это? Правильный вопрос! Овладеть, словно прыжки, одновременно самыми различными отраслями техники и притом так, чтобы эти занятия способствовали общему прогрессу, может быть что-нибудь удивительнее этого! Но надо признать, что Московский автобус на сегодняшний день, к сожалению, слишком слабо привлекает к себе молодежь. Комсомольская ассоциация «Шашки-подвижника» обращается к Автотуризу с просьбой поставить на заводе техническую учебу. Клуб не сразу рассказывает ее и организацию этого дела. Но клуб взял направление на широкую постоянную комсомольскую пропаганду. Он готовится обуздать 100 человек комсомольского актива Москвы, и надо думать, что это будет первым шагом к уст-

Машины скоро двинутся в далекий, тысячекилометровый пробег...

ПОВЛЕДЕНИЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ МИГНОМОНАДОНЫМ КОМСОМОЛОМ И КЛУБОМ.

В клубе — большой день. В зале идет доклад об одном из острых вопросов автомобильной жизни. Перед докладчиком на двух тихих шнурах помещен новейший мраморный микрофон. Доклад слушают двести человек, сидящих в зале. Десятки тысяч работников автомобильного транспорта разбросаны по всему Советскому Союзу, слушают этот доклад по радио. Московский автотуризм реорганизован в Центральный автотуризм Советского Союза. По периферии раскинуто широкое сеть филиалов Центрального автотуриза. В филиалах включены громоговорящие установки. Решения собрания подв涣чиваются громким репортером.

Это — картина завтрашнего дня. Ее реальность обеспечена последними решениями правительства Автотуриза и той неудержимой тягой нашей молодежи к овладению автомобильной техникой, к овладению автомобильной культурой, которая уже сегодня становится жизнью сотни автомобильных кружков на фабриках и заводах, в учреждениях и на предприятиях.

Уже сегодня каждый член клуба или его филиала является пропагандистом техники иносистем высокой автомобильной культуры. Он ведет автомобильные кружки, организует обмен опытом, контролирует работу машин на улицах.

Название Московский автомобильный клуб — старое, но дореволюционное название. Автостудия еще называется «автомобильный клуб первоапрельской молодежи», а великий князь Михаил Романов конечно в укусе отшвырнулся бы от сегодняшнего автомобильного клуба.

Вместо солидного закрытого клуба ходят автомобилисты и юношеские спортивные — клуб людей в колясках, с руками, нечувствительными к огню и железу, клуб шофёров и мастеров, клуб рабочих молодежи, клуб ходоков народного автомобилистического парка! Потом старый автомобильный клуб!

Действительно потрясающе, и вместе него существует совершенно новый клуб при нашей любви к сокращенным коротко называемым «МАК» (Московский автомобильный клуб). Потом старый автомобильный клуб!

В штабе клуба еще осталась несколько загадочных знаков со словом «МАК». Эти знаки остаются от небольшого тираспа, выпущенного много лет назад. Эти знаки не продаются. Каждый из членов Московского автотуриза надеется заработать такой значок ударной работы на производстве, активной массовой работе в клубе и высокой культурностью автомобилиста.

ОБЛАЧНЫЙ РЕЙС

Солнце сегодня особенно ярко. Нагретый у земли воздух, колыхаясь, прозрачными струями убегает вверх. Со стarta одна за другой срываются машины. Они бесшумно проходят под склоном. Пилот поправил очки.

Штурм аэротакси вытинался как струи.

Планер, поднятый ЦК ВЛКСМ скользнул по земле.

Мысли и волны...

Напыливая сильные потоки, пытая задорожить на них машину. Толок под крыло заставляет пилота повернуть планер, и, как только машина попадает в поток, пилот осторожно убавляет скорость, выдергивая ногами направление.

Стрела разверзлась. Белые крылья машины вглядывают участки колодезей. Ближе виднеются длинные ометы обмоловченной пищевицы. Море так же простирается вдаль.

Альтитуда поднимается 600.

Внизу, над склоном, вьются пальмы. Идет побуковье ярко-зеленый. «Бескрайности», немного спустившись, машина обогнула и, как топло машина попадает в поток, пилот осторожно убавляет скорость.

И вдруг... «Бараны» вереницей тянутся по земле с хвостом.

Со «Святой горы» донесся легкий взрыв. Там рука, добавляет камень. На плаже мурлычки косятся отглахивающие. Пилот отговаривается: гора Клементьевы осталась позади, машина идет над морем. Впереди все сливается в каком-то застывшем, прозрачном блеске. Этот блеск отражается на лакированных пластиковых палерах, бьет в глаза. Машиня слегка кинулась и пошла вниз. Днем над морем находились потоки. Пилот проворно поворачивает машину и с увеличенной скоростью уходит с моря.

II

Семнадцать часов. Стrelка алтиметра застыла на отметке 1300. С юго-запада густым фронтом тянутся облака.

«Порубом пронизывается», — пытает не терпения повернуть машину. Казалось, она стоит на месте, а облака методично потоком набегают. Конфузированный края облака, машина отходит от него, затем входит снова. Холодный поток рану машины, она акро-радиочно трепыхнула крыльями, и, словно от заря, метнулась вверх. Стrelка алтиметра прыгнула на 1500.

Планер трещит под ударами перепутанных потоков воздуха. Он рывком становится на нос. Вырывает. Падает на краю. Судорожно подогревает плавательные.

Планер выбросило на облака. Яркий свет с освещенной смолой уходил в глаза.

За горным хребтом мелькали светлые постройки города Судака и темный, суроный обрыв над морем.

За Судаком обрывается гриб облаков. Пилот убавляет скорость до предела. Машиня мягко уходит вверх.

Она с легким шипением вылетела из ущелья, прошла над морем и лесом, по-тихому, сел на плавательные.

Пока засияла суп в прокопченном котелке, привезла Гов. Симонову.

Горячо приветствуем и поздравляем с новым всеисполненным рекордом дальнего полета на планере.

Начальник слета Минов.

Коктебель.

Машины, участвующие в пробеге Москва—Ленинград—Москва, на московской окраине

ДИНАМОВЕЦ № 6

ФИЗКУЛЬГАЗЕТА ЦС «ДИНАМО» И «СМЕНЫ»

Фото А. Лочкова

Колхоз телефонизировал, но имел специальных материалов: расплетали ржавые тросы и делали из них телефонные провода

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Январь 1933 года. Колхоз, названный теперь именем «Динамо», был одним из худших колхозов в Даровском районе.

Когда ордигровали здесь на самых отсталых участках.

Лен оставался неубранным, сено несложенным, овес рассыпался. Много земли оставалась незасеянной.

Протягали и земледелие пропасти.

Обезглавленная хороводная в колхозе. Инсистарь был в очень плохом состоянии. Семенихи были отчаянны.

Тогда в январе 1933 года приехали 22 офицера земледельческой армии Плененного биена торфяники Молочко, которых надо было сделать государством, рассчитывающие Король ее держались на ногах.

Неизвестный лунг обстояло дело и с гигиенической сладкостью.

Огромная денежная задолженность довершила эту ужасающую картину.

14 февраля 1933 года колхоз включился в колесное кирзовское колхозников.

Динамовцы помогли колхозникам колхозникам взять руль колхоза в свои руки и изгнать чужие элементы.

Старое, предстательское, правление отдают под суд.

В связи с изгнанием кулаек про-букдульщиками из колхозников,

подшевелился на изгнание.

При помощи даровских динамовцев колхозники наложили учет труда, правильно расставили сили, ремонтируют инвентарь, лечат скот.

Весенний сев захватил успеши.

Артель уверенно выбывает вперед и получает переходящее змею.

К уборочной колхоз окончательно подготавливается. Озимые культуры он

убирает досрочно, яровые — спасают.

Осенний сев захватывают за 5 дней до срока.

Задолженность в 41 000 руб. полностью погашена.

За 1933 г. электрическая мощность на 120 лошадей, 6 эмбарка для хлеба, сенокомбинате, двухэтажная котельня, изба-читальня, телеграф.

За последние шесть месяцев нет ни одного прогула.

Весь колхоз разбит на brigades, которые соревнуются друг с другом.

Колхоз по-новому готовится к соревнованию 1934 г. Осенью начнется усадьбы при этом удобрение торфом.

Было большое количество торфа, еловы, ивы, метлы, которое пойдет на подготовку снегу.

Колхозники улучшают луга, срезают кочки, убирают кустарники. Для этого специальные закуплены лесовые культиваторы, луговые и пружинные боронки.

На 116 семей 114 имеют коров, а 2 семьи являются телями.

Колхоз телефонизирован собственными силами. В избе-читальне поставлен ламповый приемник.

Построена плотина. Большой пруд используется сейчас для катка, а на лето здесь организуется рыбное хозяйство.

На открытии спортивных площадок обзоровыми тир, военный городок, волейбольная площадка, беговая дорожка.

40 физкультурников сделаны полностью на значок ГТО.

Две лучшие физкультурные brigades — сибиряцкая и токаревская — за ударную работу премированы волейбольными сетками и мячами.

19 лучших физкультурников премированы минуфактурой, обувью и спортивными костюмами.

А. Разумнов
Пред. ячейки «Динамо»
Даровского района

Физкультурный

праздник удался

Мы проводили в подшефный колхоз имени Десантника «Динамо» рано утром.

Тут же комсомольская ячейка оповестила всех, что в 11 часов начинается праздник.

В избе-читальне ребята нарисовали плакаты:

«Соревнование по бегу, сдан нормы на значок ГТО, конкурсанты спальба, веселая физкультура, концерт...»

Уже сразу получился большой, и народу собралось около трехсот человек.

Поставили с края площадки стол, на стол числе и первым номером решено совместно с активом пустить бег на 1 000 метров.

Легающих принять участие в беге набралось человек 30, но лежащих и ныряющих колхозников было среди них мало.

Сначала старались хотели участвовать, но после того как мы предложили бежать с ними вместе, нескромно чеховы соглашались.

После этого мы показывали, как играть в волейбол, и тут же организовали две команды. Сейчас в колхозе команды постоянные, но иногда в их переном составе получалось испытка, играми с увлечением.

Обобщенный успех имел бег на короткие дистанции с прыжками.

Победителям выдавались трофеи и спортивности.

Из физкультурных номеров большие внимания привлекала конкурсная стрельба, причем среди колхозников сразу обнаружились несколько очень хороших стрелков.

И напоследок — веселая физкультура: бег с мешком.

В повестке физкультурпраздника было короткое собрание с отчетами brigades, о работе. Людям надо было передложить после бега и прыжков, — и собрание прошло хорошо.

В концерте выступали: скрипач, привезенный нами из районного центра, колхозные гармонисты и гитаристы. Колхозные физкультурники продемонстрировали несколько пирамид и подъемные движения.

Часа за два до закрытия праздника раздалась сигнальная мелодия. Танцовали грозовые, вальсы, каденцы и mostnye танцы «бабушки». Под руководством динамовцев пропагандисты и физкультурники.

Праздник прошел с большим успехом и сильные посты нападали в колхозе физкультурную работу. Сейчас мы думаем помочь колхозу организовать праздник на катке и в школе. Все условия для этого есть: лежаки и конькобежцы хоккейные обеспечены, динамовской помощью также.

Предколхоза Плюсник и два бригадира сдают нормы по лыжам

В подшефном колхозе

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

СЕРДИТЫЙ ГОЛОС

В этот вечер мимо холодный дождь. Из телки выскочила прогодгий динамовец Разумов. Он поспешил в кино и председателю артели.

Дело было срочное. Динамовцы получили сведения о том, что в 15 километрах, на берегу реки Малыш, рожают бровосы трости из плотов. Их можно было бы сделать прозор для будущего телефона.

Но лучше все об этом сказать весь колхоз. А через десять часов речные узлы лежали на колхозном дворе.

Работы по проводке телефона разделили между колхозниками. Каждый мужчина должен был доставить по полтора метра леса. Женщины и дети распластали трост. Правление лазило по столам. Динамовцы доставляли телефонные аппараты.

Из Котельнича приехал в Даровский колхоз инструктор. Он вернулся речку телефон и снял трубку.

Кто это? — спросил его боярин в ухо.

— Всемогущий! — тронул спиритуалист инструктор.

Ему отвечала скотогородской секретарят женская голос:

— Мне семнадцать лет. Со мной инструкция восемь лет. Бригадира нету дома. Ничего не знаю.

И женщина повесила трубку.

ДВУЛИЧНЫЙ*

Преподавателя артели Плюснина за глаза ругали.

— Двухличный человек. Всемогущий с виду, говорит тихо, гладко, а хлеб не ест.

Речь шла о хлебе, который хотели получить сверх заработанных трудодней.

Однажды одна женщина вскрикнула:

— Я прямо скажу, я не боюсь: ты двухличный, ты великий с виду, а хлеба у тебя не вырвешь!

Плюснин вышел в соседнюю комнату и замрил за собою дверь.

Кто это? — спросил он.

— Слушай, я права, боярин прямой отвечать...

Плюснин вышел в комнату картонную табачницу.

Си повесила ее над своим столом:

«Говорю прямое и открыто: подымети хлеба не дадим!».

В. Борахвостов

ПЛОТИНА

(Очерк)

Небо цвета подмокшей газеты.

По дороге падают сани. Они разно взвирились на склонные земли и так же разно скатывались вниз. Из саней торчали остроконечные буденовки. Это были санки Даровской рабочей схемы в своей подштучной колхозе. С виду они были просты.

Снег синт., поднимавший вторым, медленно дымился. По сторонам дороги блекли сани. Они то лишились вокруг саней, обступили склонную дорогу и забегали вперед.

Временами же густел, и над склонами висели мохнатые ветви, успевшие снегом.

От колхоза, в который схема динамовцев, шестьдесят пять километров до желтой дороги. И вот в этой глуши санки, сбрасывая саней, скользили дороги.

На ее оконце, на заснеженном тонком шесте белый флаг с буквой «Д» посередине, флаг, который раньше можно было встретить только в гроде.

Этот флаг на оконце означал, что над колхозом шефствует ячейка «Динамо».

С первого же взгляда сани заметно результируют вперед.

В конце саней колхозники с помощью динамовцев очистили от льда большую площадку. Ее обнесли изгородью. Построены трапеции и обрудованы баскетбольную площадку.

Это было началом професии работы.

В зимнее время площадка простояла, и вся физкультурная работа переносилась на плотину.

История этой плотины очень интересна.

Эта плотина построена 1935 г. в сентябре руками инструктора Даровской и председателя колхоза Плюснина созывом собрания.

Разумов говорил в будущий плотине. Он рисовал перед колхозниками картины из жизни из вод, которой в деревне не было.

— Когда построят плотину, — говорил Разумов,

— можно будет организовать водную стан-

цию и школу плавания, которой будут руководить динамовцы. А потом можно будет построить вакуумстаци.

И колхозники единодушно решили построить плотину.

Под боком деревни протекала речка. Текла она здесь солнышко лет до революции, и после восстания лет ее много не трохла. И вот на шестнадцатом году начинялась ее спокойная жизнь.

Колхозники под руководством физкультурной ячейки «Динамо» стали перегораживать речку плотиной.

Днем были на полевых работах, а ночью спорили плотину. Старшин-колхозники, опытные по плотинному делу, заготавливали каркас плотины, строгали планки и небробы «степан лес» (лес с ветвями и листвами, необходимый для загородки плотин).

Если ночи были темные, то работали при свете яблоневого света, яблоневых костров. Работали все от мала до велика: ребята и взрослые сидели с подводами за землей, а взрослые копали.

Плотина — первоначальная была уже готова, а главное течение реки отведено в сторону, чтобы не размыло перекрытии.

Старшин под руководством самого старательного физкультурника и бригадира Трофима Гаприкова уже постелили каркас главного сооружения плотины.

Ночью, когда колхозники разошлись по домам и на плотине спалили кирки и лошадиные раны, и прибрежного леса высыпал люди. Это было курильщиками, куревищами, деревнями. Они начали засыпать плотину отведенной в сторону.

Кутури им удалось засыпать.

Вода попала через верх Свяжинской плотины и еще не слежавшаяся земля поползла след за водой.

И когда появилась маленькая промозгая, вся вода

НОСОВОЙ ПЛАТОН

Мне пришлось видеть, как лошадь одного из колхозников, испугавшись автомобиля, понесла и перевернула сани.

Колхозник поднялся, отряхнулся от снега, выпустил носовой платок, вытер им лицо, испачканное в снегу, и спокойно пошел к лошади, остановившейся в скользких шагах.

Я подошел к колхознику замятесанный, синевой его носовым платком.

Я расспросил его и узнал, что в их колхозе «Начало» было даже специальное постановление о носовых платках как о самом элементарном, признаю, чувствительном. В этом постановлении говорилось, что каждый социальный работник обязан иметь носовой платок, не плавить на пол и не бросать его в кукурузу.

И самое интересное здесь то, что это постановление выполняется.

В. Б.

Катон только начинали расчищать, а ребята уже спешно надевали копыту

сразу ухнула в нее, и от плотины не осталось ни следа.

Каркас главного сооружения был выбран из своего фундамента и разметал по низине.

После его собирали на протяжении семи километров.

Но санки вывезли не становища колхозники. Купили с собой каркис, они снова стали вспоминать плотину. На этот раз работу по начали охранять лучше колхозники.

За один месяц плотина была готова. А с плотиной появились и новые масла. Ее решили использовать со всех сторон.

Сейчас на правду колхозники устроили отличный каток.

Каток обставили маленьчишами, в человеческий рост, ездили. Но краям катка стоят свежевыструганные сапоги.

Колхоз обнесен волынами. Весной на правду будет открыта водная станция, оборудованная лодками. Начнутся занятия и в школе плавания.

С весны колхозники вместе с ячейкой «Динамо» начнут строить электростанцию, которая не только будет светить окрестные деревни, но и будет питать свои энергией будущий алюминиевый завод.

Сейчас уже кувалда турбина за 1.500 руб.

В середине зимы будет приобретена динамомашинка.

С весны колхозники начнут разводить альбатровых карпов, самую широкую и вкусную рыбу. Тай карп, откормленный на ячмене, напоминает жирного поросенка, откормленного на специальных корзинках.

Посреди марта будет острая. На нем летом будет построена кома для местных колхозников. Дом отдельно будет иметь собственную столицу с молодняком лягушечьего пита.

ВЫЕЗДНАЯ БРИГАДА «ДИНАМОЦА»

иени Десятилетия „Динамо“, Горьковский край

С правого борта — серели берега Формозы...

И. АРЕНБЕРГ

МАСТЕРА ОГНЯ

(Рейс Владивосток—Ленинград)

1
Лаг наварочидал миши. Его металлическая вертушка терялась далко в пенистом хвосте парохода. По кругу теснились канаты вертушки сообщали стечки о пройденном пути.

«Курск» шел из Владивостока в Ленинград. Этот рейс замыкал почти всю Азию и Европу.

Такой рейс видает «аттестат зреологии» молодого моряку.

Это хорошая школа для новичков: волны, безнадежно устремляющие на палубу гульбицы, винты парохода, бесмысленными мельчайшими кружастыми и кольцами, как Индийские окиси, ведут валырами смолистую волнастую воду, сбрасывая на берег тающие промежутки воды в направлении их прямо на пос парохода, чтобы захлебнувшись соленой горячей мукой, моряки отчи и шипы металлический солцем.

Бескрайний переколос, жизнь которых месит замытку в прозрачный круг горизонта, удивительно постоянство муссонов, едкость морских туманов и один Балтий — вот испытания, через которые нужно пройти в этот рейс.

Лаг наварочидал миши.
Сегодня утром «Курск» прошел тропинку Рака. С правого борта прозрачно серели берега Формозы. Матросы мыли палубу, и солнце писало по палубе искристые узоры.

В кают-компании на привычных в полу табуретах собрались все подаватчики, «собобные от работы» комсомольцы из

— Ни в диковину это не годится! С такого хода польши, как с молоту уха! — выкрикивал маленький паренек и стучал по столу кулаком.

Никто не испугался. По каюте поплыла смехом. Все знали, что Колыма Аих — секретарь судовой агентии — любит на собраниях оправшивать нарочитой сородичности. Знал, что в следующую же минуту он улыбнется, трахнет ржавыми волосами и тихо скажет:

— Нет, ребята, это действительные очень плохи.

Там было много раз. Так было, когда по неполному кругу смотрели на вахтенного матросов-комсомольцев перетерся с края борта дорогой маньчжурский канат и пришлось тратить валюту на новый.

Нет, Колыма Аих упорно не давалась той суро-
вой обличительной.

Но сегодня традиция нарушена. Сегодня колыма влечит спокойно. Ряжие вихры его чуть шевелятся от волнения и от дробного пульса ма-
шиниста.

Кола проговаривает затяжно и напыщенно (так летят стихии с повторами):

— Но для того я созывал летучее собрание, чтобы вальяжна... А для того я созывал собрание, чтобы выяснить наименее текущее положение. Известно ли вам, что мы имеем 9 миль в час, положенных

по трапециевидной, идем 6—7? Что у стариков стрекла маюметра на однинадцати — роджий гость? Известно. И ж то, по вашему, комсомол будет спать и проснется уже с рогожками вымыслом на ре?

Он еще долго говорил, что кочегарка решает трапециевидную, что комсомольский энтузиазм должен стать чисто вроде «мамки» для кочегарки, что нужно утереть ее «довоенными» кочегарами.

Собрание кончилось. Секретарь и комсомольцы, облаченные в трусики да сингапурские панамы, выбежали на палубу.

И стало, как в песне:

Капи...и...и...тан комсомолец.
Кочегар ко...о...комсомолец...

Вот только Петра Ивановича Кочаловчука, капитана, что-то подозревают в комсомоле.

Завтра предстоит бой. Завтра комсомольская вахта, призванная поднять трапециевидные судна, впервые станет к топкам. Впервые разрозненные по всем четырем вахтам комсомольцы заработают на палубе.

И возвращение была к жизни сохлая, расцевенная балкон погара, выпотрошенная скотогубкой и покрытая маслом, покровленная перламутром плавающимися «бандиками».

Так в Тихом океане, за тропинкой Рака была создана первая комсомольская вахта кочегаров.

2

Кочегар — мастер огня. Кочегар должен знать своеобразную и строптивую пальму этого красивого косматого работяги. Он должен уметь удалять из угла без остатка всю накопленную в нем энергии.

— Байбий казакон, и тот надо с толком топить, — говорит часто старые кочегары.

— А тут хороший казакон, газин, как гудит, — и они, щелкнув заслонкой, любовно раскрывают двери топок.

С виду простая и незатейливая профессия пароходного кочегара требует большого опыта, особых производственных навыков и высокой техники. Взглядеть багряную пурпур огня — дело не легкое. Ударяя на огненную щедрой рукой, сплескается в козле, обратившись пышнорыльной корой шалва, и тепло-вторни сила угла уходит с дымом в трубу. Пар падает, пароход замедляет движение.

По дыму опытный кочегар определяет качества и недостатки своего коллеги, памятуя о встречном судне.

Он обязан давать словоизъян блаженствовать. Если его не торопишь, он теряет жизненную силу и дает лишь уютное тепло. Это уже не огонь, а таиние.

Тут на помощь приходит «подломка» в раздача.

«Подломка» — это всадить в чрево топки даний лом, вынести огонь из уединенного очагенства, улучшить его движение. Это — сделать огонь агрессивным, белым, с синим опирением.

«Подломывать» и «раздавать» (сдирать гребком «воду») и не сорвать себя скоро, но скореть в тру-довом перенапряжении — особое искусство.

Ребятам был знаком этот кочегарский катезис только по пропаганде. Каждый из них плавал всего один-два года угощаться, «штывал», утоль из бункеров кочегару, залывая шашлык.

Нравы отца были известны им лишь по рассказам стариков.

Утром комсомольцы впервые учились у топок. В кругах пальм и сечевых полувалок, покоящихся на палках, — в традиционной «робе» кочегаров, комсомольцы казались еще малолетки, еще ребячиться. «Довеснички» встретили молодецкую вахту смехом и надеждами.

— Я на «Красине», как Нобиши спас, спокойно спал, — сказала старая Кунинки, участница ледового похода, — а вот теперь опошлся пробкой. Боязно что-то, когда падаю за лом взахлест.

— Голову мне рубите, когда семя атмосфер настанет, — крикнул опытный кочегар Бойченко напоследок и ушел, усмехаясь, изверг.

Об усложнении ужаснувших бойчеников головы ходят теперь по командным кубрикам легендарные монстры. Но легенды мимолетны, а былия крепки.

И бывших этой гордятся комсомольцы «Курского». Монстры же были разворочены уголью и прочищены дланеватым трублом «Довеснички». Давали это «заклинок» и терпели мороз, смерзнувшись, а все равно до дома будем... «Довеснички» спали уголь рядом и много, а в промежутках отдохнули, куря «кошмы ножки» и каликаны (настичи вращения земли).

Уже через часы после падения вахты стрекла, поднимигнула, перекочевала на 11, в почетное соседство с предельной красной чертой.

Каждый час подхватываемые комсомольцы вылезали на палубу показывать лага. Лаг рассекавший неожиданные веши:

— 9.2 миль за второй час комсомольской вахты. Параход исполосовал. Две молевые цифры, торчавшие на левом борту, приковали внимание экипажа.

Лаг приходил проверять капитан.

— 9.5... — доложил на третьем часу лаг. Кочегару, словно с потолка, спрыгнула Колька Лих:

— Ребята, наша берег!.. Полный ход... Капитан поддавалась...

И так же торпедообразно исчез.

Ни разу за вахту огонь не подернулся траурной пленкой потухания.

— Наддам, ребята! — командали Науменко, и голос его звучит напряжено.

Когда вахта кончилась и комсомольцы, воспалившись, густо защищикованные угольной пылью, вываливали на палубу, их встретил овацией. Капитан жал руки. Кон Захарчик гнулся в камбуз угощать особой порцией «благодатного» борща.

— 36... 36... — отступивая радион флагом общего хода за вахту. Он сообщал о победе в Одессе.

— А где же Бойченко? — полюбопытствовал кто-то из эдой.

Но Бойченко не появлялся весь день.

— Не для того я созывал собрание, чтобы вальяжна!

ВРАЖДА

Оражище солома торопливо вспыхивает в топке. Локомобиле вздрагивает, колеса его глубоко вонзаются в землю. Над мелким блодцем, манометра судорожно трясется фонвари. Стрелка показывает восемь атмосфер. Пар нужно поднять на десять. Старик Игнат Вальгуза поднимает солому. Ворот по рутиши расстегают. Гид головой пампят солеватые зелени.

Сутки назад Петя Вальгуза вывел своего леда Игната на соревнование.

Внук победил дела. Степная газета «Рупор ударника» рассказала о победе пионера, собравшего колоски на хлебозаводном поле.

Линия этой цепной и славленной семьи болтит о ладе. Однажды в кабине локомобиля он сидел, где Катерина Вальгуза готовила яйца и ужин для своей бригады. На татаке два котла. Это—единственные, совершенно склоны между собой котлы. Они неподвижно висят над золотыми стружками медленного огня. Но один котел — красный котел. Он предназначался только для удариников. И Катерина Вальгуза вполне законно опускает в него лишнюю ложку масла, даиншистан станок швейцарский, овощи, пирожки, пироги, пирожные. Она спасла деревню. Она приводит сквозь первую группу в полеводческой бригаде колхоза «Украина». Руководит этой группой Мария Вальгуза, племянница комсомолки. Линия останавливается у походного горна на тaborе, около кузнечища Евдокии Вальгузы, и бережет к Новокузнецкой станции.

В боязливой засыпающей акции хате старуха Марьямина Вальгуза варит пищевую арарену, расстилая молочное пшеничное тесто. Ни шесте, тряся блестящей рывой, поет пету. В песке вспахи кури. Аланы растягиваются по дну, бегут солнечными выброшенной соли. Страна прозодит слово «хлебозаводческий труд». Кубанская колхозная радостная героянико его труда, растущую античность крепкой хлебозаводской семьи.

Всю свою античность изводила старуха Игнату Вальгузу неотложностью. И такая же исполнительница прошла она теперь к нему в действительности. Игнат Вальгуза получил в этом году 5 пудов меда и 1.080 пудов хлеба. Внукша Мария Вальгуза, комсомолка, ходит в спортивном крапешниковом платье.

2

Игнат Вальгуза держался за поручни дозорной вышки. Кругом волнился урожай. Кхатда глаза, лежал на земле хлеб, загромоздивший в этот год степь. И вдруг, раскрыв голубую тишину, в вышине останавливаются машина на-чалника политотдела.

Начальник отдела Малеванский прочитал старику постановление, привычно подписанное вином Станицием.

— Как находишь ты этот закон, старик?

Игнат Вальгуза ничего не ответил. В руках у Малеванского было постановление о твердых, нарушающих нормы зернопоставок. Игнат Вальгуза ничего не ответил. Только глава станицы изобразил то, что он породил — это министр.

Наполоток стала крепко пожал юношескую ладонь старика. И в ту же ночь Игнат Вальгуза вытащил из пиницы кулака Коваленко, вооруженного ножницами, грабившего хлебозаводное поле...

3

Вечерний шелест засыпающих акаций. Огремый малюсий костер. У костра — запомнившийся разговор.

Степнографистка записывала на чебонце. Чебонец лежал на мостовой. Но колечки одного из пионеров были небольшими книжка на широке Мите Гордеенко, знаменитом герое охраны социалистической собственности. Три сотни пионеров Армавира собирались у костра, чтобы обсудить горюческий поступок.

В поисках руки, у акаций, сидел желтоголовый птенец. Он слушала внимательно.

Это был Петя Вальгуза.

Горничихи наудумыши цеки. Барбад рассыпал дробь. Не плащали пылая малюсий костер.

— Ребята, — говорит бритый человек, — играйте умеете?

— Умеем.

— А песни петь?

— Поеем.

— Зачинайтесь!

Площадь погиб, и уже не смыслю нерастягиванием шеи засыпающих акаций.

Бригадный мастер — третья первая участница израильского колхоза. Он стал загадкой для тысячной толпы зрителей, рабочих, колхозников, слушающих, желающих ознакомиться с Армавирским узлом. В самом деле, кто отгадает в нем помехола Армавирской МТС Григория Строганова, с московского Электрозвоза?

4

Пионер Петя Вальгуза вернулся с костра в свой хлебозавод «Украина». Он ехал по угринейской дороже. Вместе с дедом он привез дозоры в степи. Хлеб шел на элеватор, в хлебозавод амбары. На тaborе все реже бесспоровали с Петей. Торопились.

Однажды среди скрывающихся старик Вальгуза заметил Петя. Люди стаскивали снопы. Петя стоял с граблями.

Старик дежурит у топки локомобиля...

— Ты чего, падан, мешаешься тут? Марш отсюда!

— А ты? Твоя работа, дедусь, тоже ночью.

— Я тебе сказал, уходи!

Петя ушел, чтобы поклоняться отцу из дела.

— В газете тебя пропечатали, — бормотала он сердито.

...Этот год — особенный год на Кубани. Лучший в мире кубанских чирозом отвечают на горюческий, напоминающий труду колхозников отчестно бояться урожаем. Но не труду, а горюческому только урожаю, ставшему памятником. Они называют порохом в степи и в станице. Они помогают разбить куладийский сабакот. Впереди социалистический урожай на Кубани убирается во-время, без потер.

Убирается любовь, по-хозяйски.

Парос труда влечет стариков и детей. Помилует Гришка Строганов фактически стала командиром многоотраслевой армии пионеров и школьников, работающих по уборке урожая в колхозах.

Пионер Петя Вальгуза, не допущенный к работе в одиночку стариком Игнатом, на другой день встал на участок с бедом пионерской армии. Их пример был подхвачен пионерами соседнего колхоза «Маяк труда». Через пятидневную пионерскую девятнадцатипаровую Армавирскую МТС уже работали в степи в сорбе колосков, на охране урожая.

Очередной костер на каменной мостовой города Армавира был посвящен юному герою хлебозаводческого труда, Петя Вальгузу из колхоза «Украина».

5

Днем стенья насыщены трескучим шумом тракторов, комбайнов, лебогарек, матов, колхозных. Прочерчивается неизысканными перекликами скрипальщиков, машинистов, садовьев, погонячих, косарей. С вечера раздуваются темки паровых локомобилей. К велкам подхватываются с участков «игниты». И это многочисло, напряженное движение, движение ударного социалистического урожая.

Хлеб в этом году — гора. Хлеб много — на току, на участках, в складах. Ученик Нина Вальгуза поджаловалась по помидорам:

Сдано 406 центнеров. Нужно сдать 760. Колхоз выходит в день только 10—12 центнеров.

Помилует Струганов председателя, Нина Вальгуза, комсомольцы сидят на земле. Фондоук обшаривает залежи травы. Люди сидят на корточках, просят тягла. В колхозе — одни грузовики, 18 паролов, два десятка коней. Каждое колято на учете.

6

Петя Вальгуза склонил хлеб на участках. Хлеб этого зерна первый в стране. Путь Игнату Вальгузу вместе с посадками простирается кончалась на мозготыльном току. Старик встал к топке локомобиля с такой же решимостью, как спасалась железным дурачком. Он вооружился давлением пара и ниже десяти atmosfer.

Петя Вальгуза вышел на участок с пионерской дружиной

НОЧЬ С ПРИКЛЮЧЕНИЕМ

Ночь, как ночь.
В избе темно и немножко,
Я си сплю сон
Успокоила суету,
То-сеть

— кто-то ломится в окошко.

Брат хранил.

Не смиши матъ.

— Иду.

И уже готовый встать с кровати,
Равнодушиный до любых вестей,
Думал:

— Какого хрина ради?
Время ли, скажите, для гостей?

Сон короток, а забот гектары,

Брат во сне тяжелый, как бревно.

Все же встал,

глажку.

О, где поджидает, —
Кот из хаты ломится в окно!

Что он там нашел?

А ну-ка,

У кого есть наядобность во двор?

Яркие в окне играют звезды,

Золоты ночных темей узор.

Тинни темдом обнять могла бы,

Он же люблю,

наг борец какой,

Задние подбрасывая ланы,

Ненониткой проделает бой.

Надо выпустить скорей, к тому же,

Кажется, опасно созерцать:

Вышибли стекло или, что хуже,

Утомлено проскользи на льду.

Положу

И сразу, как неспела,

Присел пешки, виноват...

Я открыла окно, и он ни с места!

Ах ты, дурак, подлярный гад!

Что ты, понимаешь, хочешь в ухо.

Чтобы завтра отнесли в овраг?

Тут приподнялся струхла.

Прислонил это дело так,

Видно умереть ему, кляузу,

Мучить нас, изогнувшись.

Продолжил туда отдал агроному

В город.

Но опять присел домой.

Дед сказал:

— Он плачет для спасений.

Апелл старик увидел в нем.

— Да, это не просто кот, а гений!

Заключил районный агроном.

Ну, а там, скажу исполнитель,

Что кот — это кот, а не архитектор.

Если в окне играют звезды,

Любит их кошечка кот,

До того, что днем — мертвец и только —

Где-нибудь за пекней до зари

Државет ангел,

— и ног ему иголка!

Државет гений,

— чорт его берн!

Все,

Я дасловое, чес ребенка,

Вина кота, его судьбе не рад.

Глэто муха прозевала тонко

Да по син смешно запахала брат.

Я шел за шкаф к своей постели,

Матери сказала, — засин чутъ-чутъ.

Ночь, как ночь,

И птицы не шумели.

Ночь как ночь.

И не мог ласнуть.

Да, может быть, о горькой пере

В небо, отраженное ручьем,

Думал много, но и в малой мере

Тут герой новеллы не при чем.

ЛЮДИ СВЕРКАЮЩЕГО ЛЬДА

ПЛ. ИППОЛИТОВ.

25 ЛЕТ ФИЗИУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЛ. ИППОЛИТОВА.
МАСТЕР О СЕБЕ

На коньках каталось с шести лет. Выступать в соревнованиях начал с декабря 1908 года.

За 25 лет пробежала 50 миллионов метров. Выиграла 269 первых мест, 127 вторых, 73 третьих и установила 31 рекорда.

На коньках разогревалась время на 5,000 метров — 8 м. 44,2 с. установленное мною в 1916 г., не побито никем до сих пор.

Была транспортная разогревалась 8 раз. Пять раз после революции.

Была добровольцем в Красной армии.

Писала началь с 1913 г. Сперва технические статьи, потом очерки и рассказы на спортивные темы. Написала 25 книг-учебников по конькобежному и велосипедному спорту.

Сейчас подготовляю книгу «Записки конькобежца за 25 лет».

Родилась в семье ж.-д. машиниста. Работал машинистом в самодромном магазине, бухгалтером, шофером, инструктором физкультуры.

Сейчас основной труд — литература работ.

За литературу общественную работу и физкультуру деятельность награждена грамотами ВСФК, МГСФК, профсоюзом транспортных и автомобилей.

«Как только замерздал болото между Мурманском и северной столицей, городская молодежь голыми устремлялась туда для развлечения и веселся. Некоторые просто бегут по льду и затем, поворнувшись боком и расставив ноги, скользят на далекое расстояние. Другие садятся на ледяную гладь и, несмотря на сильный ветер, продолжают скользить, пока не остановится на льду. Самые же опытные подзывают к ногам кости низовитых и, отталкиваясь обитым же изюмом посохом, скользят по льду с быстротой лавины».

Так Дж. Стюарт описывал в 1598 г. в лондонском журнале первые конькобежцы в Англии.

График в «Путешествии по Нидерландам» пишет в конце XVIII века: «Для средних классов катание является излюбленным местом синий албомных. Модно кататься они руки об руку вдоль от шумной толпы. Затем албомные оставляют свою албомленную, чтобы тысячей искусных поворотов и полукругов показать свою ловкость и мастерство краем коляски выскользнуть на колею дороже ему идущим».

В петербургской газете «Голос» за 1869 г. писалась заметка, сообщавшая о первом конькобежце из России из нашей земли курортом: «В Бене были устроены бега на коньках, на которые был допущен приехавший из Восточной Пруссии граф Шлапенбах. К величанию оторванию местных

ПОСЛЕДНИЙ
КОНЬКОБЕЖЕЦ
ДОЛГОКАЧИТ
СЯ НА ЗЕР-
КАЛЬНОЙ
ПО-
ВЕРХНОСТИ
НА ОСТРЕ-
СТАЛЬНОГО
КОНЬКА. НА
ФОТО: ПЛ.
ИППОЛИТОВ.

аристократов, присланный граф взнграда первый приз, состоящий из серебряного бокала с 20 червонцами».

Родиль конькобежного мастерства является Норвегия. Норвежские скороды неизменно занимали первые места в соревнованиях искусственного льда. Из 25 мировых рекордов — 16 побед за норвежским. Вместе с заключившим золотой медалью для норвежцев разом заняли первое место — курортный город в Швеции — Давос. Каждый год норвежские чемпионы отправляются туда, чтобы проезжать тысячи километров, пробегать в исключительных условиях 500 метров быстрее, чем в 45 секундах.

Сильными конкурентами норвежцам являются наши конькобежцы. В 1907 г. в Гельсингфорсе, на мировом первенстве, москвич Седов оказался впереди всех конкурентов. Но ему не было присуждено золотую медаль из-за ошибки судьи, который, говорят, не видел, что он не выполнил требования размерности. Из четырех листатель (500, 1500, 5000, 10000 м.) нужно было выиграть три, а он выиграл победителем только на двух больших расстояниях. В 1910-1911 г. Н. Струминский дважды выигрывал чемпионата мира. В 1913 г. Василий Ипполитов побеждал зенитческого норвежского чемпиона Оскара Матисена.

Я. Меликовы, П. А. Ипполитов, Купин, Калинина, участники международных рапортах соревнований в Норвегии, неоднократно показывали блестательные секунды скорости в соревнованиях и обнаружи-

М. Гольдберг

ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ

Технический визит комсомола, проведенный спасчика на нескольких предприятиях, стал делом всего ленинградского комсомола и всей страны. Молодые люди изучают через технику комсомольской скромности методы "таймы" техники. Родилась новая форма социалистического соревнования. Идея ХХII съезду партии дала импульс для широкого применения т. Сталькина—дополнительного шифра строительных выразительных приемов.

Одной М. Гольдберга рассказывают о московском "Шарикоподшипникове", где сделан технический визит комсомола. За образцовое производство комсомольская комсомольская организацией завода вручена "Комсомольской премии" на красную доску.

I

Автомат заканчивается.

Может быть, ослабел какой-нибудь винт? Или свинчнулся с места ряжаками?

Когда я не знал, что делать, я звонил в цех.

Поверхность хрома, разрасывавшая сталь и вращающаяся шпинделем. Четыре резца откусывают кусочек стального порта, нарывают фаски — и готовая деталь падает на долю металлической коробки.

Но возмите деталь — и вы обмажете из инкрустации шпиндела — часть роликового подшипника — на какую-то 0,01 миллиметра короче стандартного.

В производстве, где для измерения точности используется индикатором и миллиметром (так называемые инструменты, показывающие тысячные доли миллиметра), такое отклонение считается значительным.

Напрасно Бурлакова уговаривалась делушка, перекатывая в мокрых от эмульсии пальцах деталь. Напрасно вставляла она деталь в контрактную скобу. Чинилкин не держался, не пристает плотно к разным дугогибальным концам.

Задумалась бровями. Бурлакова зовет уточнением.

Установщик всю ясно с первого взгляда. Ослабела позадищца щанга автомата. Щанга не выковывает стальной пруток на необходимую длину. И деталь получается укороченная.

Установщик отчищивает и привинчивает части, прикасается к корточки, заглядывает внизу в както-то отверстие.

Что это за отверстие? Занес открыл коробку Нортон? Бурлакова не ответил.

Еще месяц назад она была с подносом между стаканами рабочий столиком.

Теперь она становчина. Ее дело — вставлять стальной пруток, называемый пусковым киноту, сматывать стружку для регулировки охлаждения...

Но Сергей Бубликов, начальник цеха, никак не рассматривает роль становчика в производственном процессе.

Наша установка не чиста, говорит он на совещании в техническом кабинете. — Мало того, что становчика сообщила установщику о дефекте... Она сама одна разуметь, какой дефект, от чего дефект? Не механически действовать, а сознательно...

Сергей Бубликов сам был старым комсомольцем, — он решительно относился к каждому морализатору комсомола.

Потом звонил сам Бурлаков, секретарь цехового комитета. Он слал на завод один излучину организаторов-максимонов.

Правильно говорят, Бубликов о сознательном отношении к станку. Но почему товарищ Бубликов ничего не сказал по линии администрации? Какая будет ваша конкретная помощь?

Он вспыхнул из кармана и развернул аккуратно склоненный лист.

— Я тебе сейчас напечатал группу подготовки к звонку по драгметам...

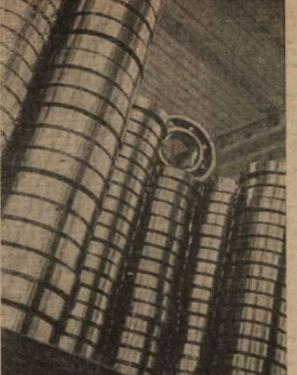
Через несколько дней после этого совещания в роликовом цехе по утрам, до начала работы, и непременно, между второй и третьей сменами, во-круг разных стаканов — то около "Шютте", то возле "Финдекса" — начали собираться многочисленные кипы и косынки.

И авария, над цехом, в одной из узловых, жарко нагретых радиаторов комнат развесили на стенах чертежи стаканов.

II

...Приходил в цех прямо со стройки.

Сломались по огромному помещению, падя газы на стены и прессы, цинчали ногами за стальные прутки.

СТОЛЫ ГОТОВЫХ ШАРИКОПОДШИПНИКОВ

Эта рассеянность еще не означала занинтересованности в производстве.

На техническую учебу не шли.

Засасывая гудок, обтиралась пальцы и упрямо движалась к выходу, не откладываясь на приемы: «Горячий обед», «Кофейка».

Иногда Бурлаков и инженер Елизонов просили мастеров отпустить выпасу марок. Рабочего без марки не выпускают с завода. Волей или неволей он должен был слушать лекцию инженера.

Очень скоро исчезла необходимость в подобных мерках.

— В техникумсте стало сильно как пролететь муха, — рассказывал нам Маша Зеленчук, инженер завода. Виноваты были не они, прошли путь от червя-абсента на стройке "Шарикоподшипников" до плачущих сложнейших автомобилей.

— Инженер Вассерман обласкал нам значение «шпи». Мне это показалось скучным и неинтересным. Что из того, что «ши» равно третья и четырьмя «дадут сотки»? Но на завтра я поняла, что без этого не обойтись. Ведь без этого самого «ши» невозможно изучить форму реальной металла и уметь его изготавливать. Наша установка реальная, а не «ши». Головное мозгило свой знания сразу применить на практике. Мы стали очень внимательно слушать и аккуратно записывать.

— Инженер Вассерман подробно рассказывал о резцах, о правилах заточки. На этом занятии мы узнали, как правильно производить заточку углов, как точно измерять ее величину в градусах. Полученное на уроке знание мы немедленно применяем на следующем дне на практике, чтобы же не «заточачи».

Лишили «ши» и научили заниматься дальше. Мы гордо мешали ставить прутья на детали...

Захаров сдал техникум и « хорошо ».

И это было очевидно огромично.

Он достал иностранные каталоги с чертежами, одоленила у приятеля руководство по теории реалий. Как только выпадала свободная минута, Захаров забегал по лестнице в техникум. Там он виделся с инженером по пунктам чертежей, часами прорабатывал их.

Он перешел на «тотем».

И так же поступала его приятель Григорьев. И комсомолка Капкова. И вторичный фабзак Егор Мацнев...

III

Когда Ката Бурлакова впервые увидела станок, он показался ей сделанным из одного куска металла.

Лишь постепенно в ее сознании прорезались грани отдельных частей.

Она опустила самостоятельность суппорта — это «запасное колесо» механизма.

Коробка скоростей состояла из нескольких отдельных шестерен, которые легко разрывались и смывались вином.

Весь автомат можно было разобрать на пятьсот его чаинок и опять слинтить.

Это было для нее открытием.

Она стала внимательно присматриваться к обстановке мастерса Павлова, готовившего свою группу к первому техническому звонку.

Ей хотелось слинтить «Шютте» в своем мозгу.

Он анализировал переноску к синтезу, к тайне взаимозависимости частей.

Шкаф ремонтируя передача, ведущая ось, ведомая ось, цепи, кулачки — надо было запомнить все эти необычайные слова.

Пока Павловъ обвязывал на станке и Ката могла опушаться руками стальными системами, ей было легко.

Но когда группа подымалась по лестнице в техникум, ей становилось немного страшно. Чертежи пугали ее.

Она тупо смотрела на рисунок и не узнавала в сухих квадратных линиях блещущих, горящих деталей. Она еще не умела мыслить пространственным.

Девчата, окончившие ФЗУ, хвастали обиженны на素质 и без всяких труда шпарили техническими терминами.

А Ката сидя водила квадратным по тетрадке, записывая трудные слова. Однажды попалось слово «полувинт». Его новомодно было выговорить не то что записать.

Ката знала, что на ее прошлой, на ее негравимости, не вспоминались в старые белы да майке посуды годы.

А тут еще Бурлаков подумался.

— Мы не какая-нибудь кистевая гладильная фабрика, — говорила он на комсомольском собрании. — Мы работаем по ППЗ им. Кагановича — на мировом заводе. Мы все должны сдать экзамен на «личину».

В цеху висели доски — «Ход сдачи техэкзамена».

Непримятой зелено было бы поплыть на третий стебль, окантованный траурной линией: позор восхищений и десфортиз тучебых.

Лишь одна фамилия — Киреев — была виска под этим заголовком.

Нигде мастера не были так занинтересованы в подготовке своих подопечных как здесь.

Павловъ назвал на соревнование Пичугина, Пичугина, Кемберга, Кемберг — Абрамова...

Когда сформировалась группа Пичугина, приступил мастер Кемберг и начал задавать рабочим подковыристые вопросы.

Пичугин не остался в долгу.

Хотя в тот вечер, когда сдавала группа Кемберг, у Пичугина были билеты в Дворец культуры на «Евгению Онегина», — он остался в цехе. Он не пропустил ни одного кембергована. Он учил формулами, прописками, прописками.

Если становишься твоим звездой кинематографии станка, Пичугин пытается послать ее на вопрос об инструменте. У изладчиков он спрашивала формулы резания, перекинувши на них оба вопросы.

И почти на каждый вопрос следовал грамотный и четкий ответ. Сам Кемберг — маленький, русый, — отвечал поздравляющим склоняющимся, притянув голову к приставленной ладони к лицу, шум чеки заглушил свое слово, что ученик Поймана удачный ответ.

Кемберг отходил от станка и удалялся...

Следующий сдавала группа мастера Павлакова.

IV

— Ты скажи, Бурлакова, как это получается: мотор работает, а в коробке скоростей нет вращения?

Дальнинин инженер Абрамов, член экзаменающей комиссии — выплыдавший замолчач.

Ката стала с ним рядом на выплыдавшем автомобиле. Ката смеялась жарко, дыхание ее было десатка ребят.

Кто-то запинстал ей на ухо, но она забыто отпрыгнула ладонью.

— Значит шильдика сломалась, — проговорила она после долгой паузы и быстро взглянула на Павлакову.

Мастер подмигнул ей: «В точку!»

— А ну, спрашиваю еще, — попросила Бурлакова.

Славовъ просыпался между частями стакана видневшими лицами подруг.

Бурлакова отвечала обычно, торопясь, но правильно. Она разговаривала назначение коробки Нортон. Тончайшее достижение капиталистической техники — чугуннопрессильный замолчач.

Ката стала с ним рядом на выплыдавшем автомобиле. Ката смеялась жарко, дыхание ее было десатка ребят.

Ей посыпал «хорошо».

Можно было бы рассказать о многих комсомольцах и комсомолках, сдавших и на «отлично». О комсомольцах Севастийко и Юдине, назначенных по сдаче технического экзамена мастерами О комсомольца Мартыновым, после окончания видавлившим в наладчиками.

Бурлакова сидела, держась за мальчишеские. Она смеялась и плачала, когда отвечала на вопросы.

Это вспоминает, этот трепет, с каким отвечали комсомолки комсомолом — красноармейской характеристикой замечательного начинания комсомола — технического экзамена.

М. Рудин

АЛЕКСАНДР ОЙСЛЕНДЕР

Первая книга стихов Ойслендер «Мир счастья» («Федерация», 1931 г.) в основном посвящена морю.

Отрица узловатый романтический штамп как земля, непрощенный для изображения сегодняшней действительности, отворачиваясь от традиционных образов: «татуировок на груди», «фуражек без эмблем» и т. д., он пытается — по-новому подойти к проблеме моря.

Однако романтическая установка не исчезла полностью в отражении блаженства стихов, входящих в книгу «Мир счастья». Весь цикл морских стихов, в особенности же такие вещи как «Зарядка», «В оканчивающемся буре», «В Черном море ходят катера», характерен вопросами универсальности автора, именуемой традиционной, условно романтической трактовкой моря.

Ойслендер пишет про свою «дружбу с ветром», что «мертвыми станут узлы и о Черном море, которым я «занемог», о том, что

«Замечтался в сортий раз
На равнине многоводной,
Убегающей из гло...»

Ойслендер здесь использует морской романтический антураж из ареала старой поэзии. На его стихах — пустой налет лиризации. И это основной порок кликана.

Если к склонному выше добавить, что жизнь во флоте рисуется Ойслендером нелуком, без поистребления роста людей, без борьбы, сплошными праздничными:

«Ветер начинает шуметь-музыку,
Скальки блестят, и музака гремит».

то мы убедимся, что стихи первой книги Ойслендера не могут войти в железней фонд оборонной поэзии.

Новая книга Ойслендера «Мертвый узел» (1933 г., Московское товарищество писателей) — большой и значительный для поэта шаг вперед. Эта книга — плод серьезной творческой перестройки.

В «Мертвом узле» Ойслендер уже не говорит языком романтических «морских парней» своей

первой книги, выглядевших наподобие краснофлотцами, наподобию экзальтированными юношами с бледными лицами...

Герои Ойслендера — в самой гуще нашей многообразной жизни.

Они откапывают земные недра, либо они
«Родофоническую землю»
По изысканию читали,
Чтоб реальность накрено легли,
Как вскрытым в сухие дали...»

Они «стоят на границе мира» и они будут стоять

«Всю ночь. И дне. И три и много».
А если нужно, и вечно...

В новой книге Ойслендера меньше беспредметных мечтаний на «морской рапшине». Поэт выражает себя конкретным строительным коллектива. Он любит его, он считает себя ответственным за его судьбу, он уверяется:

«Всем именем хищных осызаемым
И всем сочиним зреющим ищей
Я отвечаю! Да! За расширение
Границы земли.
За чистое движение
Забылоков, алтайчиков, ткачей...»

Ойслендер покоряется лицом к конкретным людям и к их чувствам, сбрасывая с себя шелуху литературы.

Вот например стихотворение о краснофлотце, который:

«Шатался чорт знает с кем
И с кем-то, и с кем-то был.
Под подозрительным наблюдением»

Показав конкретного человека Ты Ойслендер еще больше подчеркиваешь крепость нашего краснофлотского коллектива, ибо этому парню

«Порчишься, дадут, что надо».

На пороги возьмут спасибо»,

ибо товарищ этого парня, побывав в том же самом

караже, заявляет:

Рис. Г. Беренгофа

Мир исходящий

На земле,
Как на падубе верной,
Возмущены походы моя.
Я страдала от романтики скверной.
Я писал. Я знал, что семя
Охрумянет конеком традиций,
Хлебом простые собором сель, —
Я на душе не имел места
Не сегодня, так завтра. Вода
Перезвал, словно колдок синтый
В неизвестнейший день прижал
Звезд пако-то властью подспудной.
Но за этой тоской — ия гроша.
Наконец познумение. Детская
Болезнь некуда. Значит и туман.
Этесь кончается исповедь детства.
Исповедь детства. Обмылок.
И ходилы подкашливали властный.
Море, острый глаза, наше...
Даах и какакстон наакте и пине —
И вторая ошибка моя.
Анатомии старый учебник.
Ощущения себя самого
Как средними вселенной.
О где б мне
Развернуть свои качества? Вот

Где точка и солнце зреет,
Где собою добы и чутье,
Где взошло мухоморное
Недородное микровозрасте!
Но обилье мертвой природы,
Как излияние в страсти, вредят.
Но проходят полезные годы,
И сомненья раздумье родят.
Что же давай разберемся, товарищ.
Если земля (в себе умерла)
Целостна, спяща в каждом товаре, —
Но все это сырья материала.
Труд —
Условие существования.
Без него окускует земля.
И в столетий глухом караване
Не восприняют запахи смыря.
Был я черным, полузуми, нохитым, —
Но с природой грался за все.
Наша земля — волшебница волом
И создавала сумрак рассвета.
И изладца умнющий инструмент —
Это руки. И сел за азм.
Но с тех пор стал я много угромей.
Нын я плачу. Томился измы.
О как мучили скжатые губы!

«Мне некогда.

Случайно я проходил по этим местам.
Здесь и не пахнет краснотофской чайной.
Не здесь мои товарищи, тут...»

И таких примеров немало.

Этот поворот к конкретности дал возможность Ойслендеру написать несколько безупречно хороших стихотворений. Одним из них мы считаем балладу о другом труде трех рабочих ребят, которых на

салву «Выходило солнечное море
солнечным материнским кудком...»

Баллада (часть коллективного произведения «Поэма дружбы», см. «Смена» № 3—4, 1933 г.) проинсистирована горячей любовью к творческому труду, полна оптимизма и радостного одушевления нашей эпохи.

Нужно сказать также о крепущей поэтической технике Ойслендера. Он показал в своей последней книге землю дать незатяжной метафорой, блещущей, запоминающей эпитет. Его глаза остались в сравнении порой необычны, он, показал, действительно оправдывает слова, сказанные им самим о себе:

«Солнца пронизительность дана мне,

И целостность обиража, и вкус
К тунеядству, и слух к траве, и память
О плотности того, за что берусь»

Но Ойслендер еще много надо поработать, чтобы преодолеть свою многочисленные недостатки. Главным из них является еще до конца не преодоленное литературщина: а отсюда — и неконкретность. Ойслендер считает еще возможным, описывать привычные для него:

«Удивленный Родину...»

Какой-то впорь пороком...»

Какой-то вимпел с барышами...»

Какой-то волух низиной...»,

т. е. явить чрезвычайно сухое, книжное изображение действительности.

Критик уже указывал, на второй очевидный недостаток Ойслендера, характерный и для других молодых поэтов. Безудержный опи-санский стиль автора, очень часто приводят к тому, что действительность, которую он наблюдает, ощущает, ощущает в своем изображении. Поэт как бы закрывает глаза из-за того, что в нашей стране еще идет обостренная нахальная борьба. Почти нет в книге стихов, нападающих против конкретного классового врага или биущихся тут или иной «персонажем капитализма» в нашем быту, в нашей психике. А ведь именно такой — биущийся, недовольствованный и в то же время радостной, оптимистической — должна быть комсомольская поэзия.

Ойслендер на испытанном пути. Еще большая работа над своим мировоззрением, еще большая связь с комсомолом и вопросами, которыми он живет, неуклонная борьба с литературщиной и романтической отвлеченностью обеспечит поэту дальнейшие успехи.

Как хотелось разъять тишину!

И сорвалась, как яблоко, громкий

Звук. И слышишь иттии веслы.

Это началось с разного треска,

Но раздвинулась мира края.

Стал я глохнуть и слышать от блеска.

Но скопились такие, как и,

Мастерия, огни виселики,

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

Только след той далекой грозы.

Дай же

Полное счастье, измы, —

Упинавшие свободным раскатом!

Глаза синели.

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

Только след той далекой грозы.

Дай же

Полное счастье, измы, —

Упинавшие свободным раскатом!

Глаза синели.

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

Только след той далекой грозы.

Дай же

Полное счастье, измы, —

Упинавшие свободным раскатом!

Глаза синели.

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

Только след той далекой грозы.

Дай же

Полное счастье, измы, —

Упинавшие свободным раскатом!

Глаза синели.

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

Только след той далекой грозы.

Дай же

Полное счастье, измы, —

Упинавшие свободным раскатом!

Глаза синели.

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

Только след той далекой грозы.

Дай же

Полное счастье, измы, —

Упинавшие свободным раскатом!

Глаза синели.

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

Только след той далекой грозы.

Дай же

Полное счастье, измы, —

Упинавшие свободным раскатом!

Глаза синели.

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

Только след той далекой грозы.

Дай же

Полное счастье, измы, —

Упинавшие свободным раскатом!

Глаза синели.

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

Только след той далекой грозы.

Дай же

Полное счастье, измы, —

Упинавшие свободным раскатом!

Глаза синели.

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

Только след той далекой грозы.

Дай же

Полное счастье, измы, —

Упинавшие свободным раскатом!

Глаза синели.

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

Только след той далекой грозы.

Дай же

Полное счастье, измы, —

Упинавшие свободным раскатом!

Глаза синели.

Изда звери и пели потом.

Нофт, руда, замоний и калий

Глаза синели.

Еще один том

Человеческих эпилогов.

Невозможная смена погод.

Но ложись ступенью к победе

Год. О, иллюс косые низогид!

Наше склонье с животами камкастым —

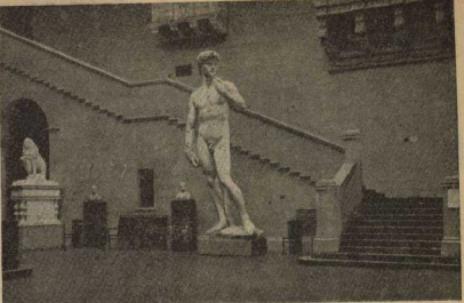
Только след той далекой грозы.

Дай же

Ю. Нейман

ПЕРЕКЛИЧКА ЭПОХ

(МУЗЕЙ ИЗЫДНЫХ ИСКУССТВ)

МУЗЕЙ ИЗЫДНЫХ ИСКУССТВ. МИНЕЛЬ-АНДЖЕЛО. «ДАВИД»

Приходили взглянуть. Дамы в платьях до колен, с короткими тиарами, мущины остробородые, в черных юбках. Знучали фразы о вечном искусстве. Слово «копия» произносилось с легким презрением: господам случалось бывать в Риме. Бене.

В спокойствии отгадали говорили о Голенищеве. О его спасителе в лице Коллежской епифанты Голенищева потолкался скромный набий из национального искусства при университете. Из этого кабинета вышли Музеи национальных искусств.

1912 год. Белое здание, построенное милостью московских купцов, Музей им. Александра III.

Дамы в черном бывали здесь не часто. В обычные дни для них склонялись слушатели школы византизма. Благородные надзиратели проповедовали. Проповинции томились. Путешественники умчались и вспыхнули таможни. Бедные становились богатыми. «Вечное искусство» предлагало вложения.

Это из первой жизни музея.

Второе рождение совершилось в седьмую годовщину Октябрьской революции.

Вторичным открытием музея предстала золотая подготовительная работа. Из бывшего Румянцевского поступили собрания картин и гравюрной кабинет. Музей национальных искусств перестал быть хранителем одиноких копий.

Он перестал быть хранителем тайн и божественных откровений. Гиперболы были подняты стройными законами марксистской науки. Использовались археологи. Красивый монумент ободаний статуэток и архитектурные модели эпохи эпохи эпохи, однак и тех же производственных отложений.

Сапиентную тишину зад нарушали голоса лекторов. Следячи загудели экскурсии. Стены оклеили нацизмом и этикетками.

Сфера влияния музея расширилась. Лекции, выставки, передвижки, организация кружков и подшефных предприятий. Музей включился в общую жизнь Союза.

Сегодня общеземной. Группа рабочих Гончакова — подиумного музею — слушает оторванный лекцию. Постараются не мешать им. Заглянем в первый зал. Прейсис по вежам.

Умирая, египтяне брали с собой не только ткани и драгоценности. Предусмотрительные, они захватывали в гробницу рабов. Скроенные глиняные фигуры «штабету» — «отвратительные» — ютились около блестательных мумий элитных египтян. Если бы не неосторожность предложил императору покойному рабству, «штабету» выпадали бы за господина. Рабы погибли бы.

Египтяне стремились исправить ошибку бояров, подавивших предок их великолепной жизни. Они обратились к этим предкам, искусно охраняя свою правду от тлены, привя его под непомерной тяжестью пирамид.

Искусство Египта тяжеловесно, как пирамиды. Оно боится растирателя лица в движении. Тела фараонов напряжены лицо насыщено повернут в профиль. У них туго сцеплены ноги.

Но история пересталась даже склоняться ногами. История шла по Египту медленно, тяжелым шагом.

Десант японов между образованием египетского государства и вхождением децентрализации государственной власти.

Характерное квадратно-склоно и пресмычение эпохи Аменемхета II свидетельствует о росте индивидуализма в искусстве и жизни в связи с укреплением гордо-солдатского населения.

На сцене задерживаться в первом зале. Стацическое искусство Египта чуждо нашей вилю.

в годы реакции, безвременны, полного отрыва искусства от действительности художники передко привлекали эти условные и манерные формы.

Пройдем мимо ассирийских башен, огромные статуи с оружием, крылатые и увенчанные в знак мудрости человеческими головами. Быки символизируют мощь. Это — тяжелая сила гигантских рабовладельческих государств, выраставших в своих недрах зачатки науки и искусства.

Поднимемся по лестнице. Лестница приводит нас к берегам Эгейского моря.

В то время как умствует и драхмет Восток, на Европейском побережье крепнет новая цивилизация. Море учит греков торговле, мироопределяющая почва украшает волю и мускулы. Греки толгутся и воют. Купцы и воины призывают к своему поэтическому, поэтическому оружью, пропагнанному восточного оружия, искусства и культуры.

Головы архитектурных Аполлонов до странности напоминают только что виденное. Ге же условия заряжает длинными волосами, та же напряженность ульбки. Тело вытянуто, неподвижно. Это искусство Греции VII века до нашей эры. Искусство подавляемого.

Начало — глубокое изображение богини Артемиды, называемое на острове Делос. Неподвижные члены эша наименее. Оригинал мраморный, но статуя кажется выточенной из дерева. К мрамору еще не привыкли. Винчало скульптура была деревянной.

Керамика — на элегантно взвешен ступенях, фрески — сосудах скромна и благородна. Огромные статуи IX в. изображают изображением потребляемой прописки. На стенах карабаются спиральобразные фризы, напоминающие расписи доползников. Рядом — амфора VII в. в Мифологический ансамбль — украшение героям Гераклом адского пса Цербером — выполнено глино и реалистично.

Греческий языческий почти не сохранился. Мы можем только догадываться о стечениях языческих распятиях книжары, суроком, бледной охрой, голубыми и зелеными красками.

Греки оставили эмузию вящие.

Египет рано состарился. Греки привнесли молодость.

Благосостояние Греции также покончилось на рабах.

Рабство — следствие господствующей формой производства у всех народов, пароходных старей, обиженный быт. Рабство для того времени было прогрессивной формой. «Без рабства», — говорит Маркс, — не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима. А без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы также и современной Европы. Мы не должны забывать, что рабство было неизбежным для всего общества в то время, когда возникло греческое, политическое, республиканское развитие общества и не было никакого предпритомного состояния, при котором рабство было частично же необходимо, и как общепринято. В этом смысле мы имеем право сказать, что без античного рабства не было бы и современного социализма.

Маленькие греческие расписанные противопоставлены себя раздражению поэтической деспотии. На митотомистские войска греки отвечали высоким качеством отдаленного воина. В эту эпоху сложного развития военной техники ловкость и силы решали победу.

Во время персидской войны греческий полководец приказал разделить пленных персов. При виде их близких и драгих лет жизни рассекались и пошли в бой, помимо пренебрежения к врагам.

В основе греческой культуры заложена культура тела.

Пятый зал музея — искусство Греции первой половины V в. Начиная сказа от входа, над стена, до зари в смело-изящной зале перед газами зрителей проходит постепенное раскрытие тела.

Так называемый Тенесийский Аполлон. Он стоит прямо, выпнувшись, как бы боясь пошевелиться. Руки прижаты к бокам, одна нога несколько выше вывиннута, губы растянуты неестественной улыбкой. Это следы восточного влияния. Но под кожей напрягаются мышцы. Тело опровергает закономерности анатомии. Так оно опровергает закономерности анатомии.

Все это — Аполлон. Само одно из видиков божеств. Их разделяют несколько метров в пространстве и сто лет во времени. Поза Симона напротивления во всем своей неуклюжностью. Уродливое лицо его несомненно выражает при сражении с безжалостными чертами тенесийского крамса.

Лицо постепенно индивидуализируется. Любопытно сравнить два бюста юношей у той же стены. Одни из них — грубоватый атлет, лицо другое, глаза синие, синевы большие метательности, одухотворенности.

Впрочем лицо не является главным для греческой статуи того времени. Голова не важней ноги или плаща, ее линии и плоскости образуют продолжение линий и плоскостей всего тела.

Тело все более обособляется. Направляются мышечные шнур и руки. Под гладкой кожей вспыхивают корешки мышц.

У стены, противоположной входу, — образец дорийского искусства, искусства Спарты. Аладексон показал в виде Геи Греции пример систематической гимнастики.

Симон — «Бойзинская гимнастическая в беге» — создан в себе силу и грацию. Она гордится и чуть-чуть конфузится своей победой. Женщины Симон в отличие от домос-доминиканцев занимались спортом нарядив с мускулами.

«Дискобол» Мирона — полное торжество мышц. Гибкое тело юноши напрягнуто и готово к броску. Тело это вполне отвечает идеалу Греции: «высокая грудь, широкие плечи, крупные ягодицы, зеленые краски».

Всё внимание юноши сосредоточено на том, чтобы бросить диск так, чтобы можно было лучше. Это полное глахование кантилья физическим движением характеризует античную гимнастику.

Мраморное тело научилось бегать и прыгать. Постепенно оно облучается плаванию и летанию. «Низ» — боты побежда, прыжкование Пловца — готова к полету. Этую готовность выражает все ее устремленноеперед тело.

Следующий зал вводит нас в эпоху расцвета греческого влияния. После победы над персами благосостояние Афин упрочилось. Афины украшались. Вокруг правительства Перикла, как в центре гимнастической культуры античности Ионии, группировались учение и философия. «Золотой век».

О мощности и устойчивости говорят уже искусство Поликлета. Его статуи в древности называли ионийскими. Гимнастов типа Диадумена поэмы. Но это не статуя неподвижности статичных статуй. В покою Диадумена — следование движению. Так останавливается тот, кто умеет ходить.

От знаменитейшего взгляда того времени Фидия на нас осталось только слабое отражение. Великолепные статуи некогда украшавшие афинские храмы, погибли. Возникли же из потехи драматической материи — юмор и смешная юость.

Антенный зал Музея национальных искусств — отдел копий, верхний гипсовый слепок. Пропис-.

дении Фидия — копии с копий, гипсовые копии с греческими мраморами.

Фидий — творец богов. Его боги величественны и огромны. Их спокойствие и заносчивость характерны для высших кругов Афин того времени, уличающих своих поэтического и экономического подчинения Этрурии.

В центре — великолепная статуя богини войны и мудрости Афина-Палладии. Примые, склонные плечи одеяния падают до пят. Пол едва ли угадывается мощное тело.

Мы знаем, высокая культура Греции покончилась на границином для того времени распределении труда. Общие досуг свободных граждан окуналось в труды несвободных. Договор грандампиона социалистической общества будет обеспечить насаждением равнозначности труда.

Мы стоим на пороге нового искусства. В какие формы оно выльется, пока еще трудно сказать. Но возможно, в основе искусства социализма лежит греческое искусство с его бьющей через край радостью бытия.

Тяготение к живому — новая струя в греческом искусстве. Смысловая интимность опущается в трансформации мышлого культивированного бояня, выставленного в зале.

Мягкость, обаятельность, духовито-весенность характерны для творчества знаменитого скульптора IV в. Праксителя. В восмом зале особое внимание принаслаждает ему «Гермес с младенцем Дионисом».

Маленький бог винища доверченно прыгнула к старшему брату и рукою тянется за пижоградом, которым подправляется еле Гермес. Во всей группе не столько мягкость и затасканный комор, что она кажется произведением крайне недавнего времени.

Женские тела под резом Праксителя достигают чрезвычайной грации. Старинные квадратные и тиховеские смеются легкостью и утонченностью. Любопытно сравнить «Амазонку» Праксителя с праксителевской.

С конца VI до конца V века обстановка разошлась в Струве школы Александра Македонского. Властьчество Греции расширялось. Монархия стремится к неограниченному расширению. Струвой македонистический дух того времени прекрасно передает произведение придворного скульптора Альзита.

Статуи Альзита — монументальны и реалистичны. Вони после бытия сищут с кожей скребком грязь. Протянутая вперед рука подчеркивает глубину — третье измерение, доступное скульптуре.

Сила, суровость характерны и для других работ Альзита.

Грандиозные Греции расширялись. Греческое искусство проявляется в отдаленных странах — в Италии и Египте. Римские императоры, подражая греческим школам — Пергамскую, Александрийскую, Родосскую, все вместе образуют так называемое азиатическое искусство (11-я, 12-я, 13-я залы музея).

Умпирский гала Пергамской школы — образец этнографического реализма. Художники, казалось, следовали описание древнего гиацинта Диодора: «Они (парфы) были высокого роста, со светлыми волосами, которых заставляли носить, на голове — корону из пальмовых листьев, на шее — неуклюжие телодвижения, резко выступающие кости, прутья складки кожи отчего наготу парфара от холода тепла грева. Гала умирает на щите, не отдавая ею по последней минуты. У холода нет преграды к изображенному варвару. Он поражен ею мрачной силою».

В триадическом зале — монументальное произведение Александрийской школы — «Нил». Нил представлен в виде ленивого бога, облокотившегося на сфинкс — символ Египта. В левой руке он держит скипетр, в правой — кадильницу, наполненную благовониями. Не забыты и женщины, вились на щеках. Неуклюжие телодвижения, резко выступающие кости, прутья складки кожи отчего наготу парфара от холода тепла грева. Гала умирает на щите, не отдавая ею по последней минуты. У холода нет преграды к изображенному варвару. Он поражен ею мрачной силою.

«Нил» интересен смешением реалистических и символических элементов. Детские фигуры — жанровые мотивы, характерные для торговой Александрии с ее разлитой буйностью и соблазнительностью для художника несгораемым источником.

Группы «Фаресский бык» и «Лаокоон» представляют Родосскую школу, стремящуюся к колоссальному и блеску на эффектах.

Представление «Венера Милосская» указывает на разложение древней религии. Венера — не богиня, это просто красивая женщина.

Изображения мелких бестий, картины флохи и фасули — такие характерны для эллинистического искусства, разнообразие которого обогащается про-

МУЗЕЙ ИЗЫДНЫХ ИСКУССТВ. МИРОВАЯ СКУЛЬПТУРА «НИЛ»

авматичной пестротой социального состава населения. Единая струя раздроблена. Производственные отношения усложняются.

Четырнадцатый зал. Мир покоряется новому величию. Тяжелая рука Рима покончит на всем. Но в мире искусства римлянам не дано сказать наше слова. Завоеватели подчинились покоренным. Римское — греческое искусство, изменив его и переработав.

Величественные, тиленесовесные «Онопы» как бы олицетворяют римское искусство. Интересно «Мадонна» Пуджиджи: воинственная суровость римлян отрубила вспышкой лицо женщины.

Изображение императоров — излюбленная тема ваятелей. Разумеется, ваятелей при дворе. Порой на изображении идеализированы (император Комод, император Доминиций), порой же — по-настоящему. Тяжелая рука Рима покончила на всем. Азиатский Каракалла, император император Вителлий. Запоминается асимметричное лицо Аурея Цезаря Юлиуса, поискающее лица выражения.

У римлян — тяготение к жару. Но в западные мотивы они вносят тулузоподобную налаженность по-бедители. У пленного варвара — изысканый, звериный лоб, подчеркивающий его принадлежность к «иницей» породе людей. Видимо, расовая теория не виновата.

Пройденные четырнадцать залы связывают известное последовательство. Это — эволюция античного искусства, историю которого в Египте и перед Азией, Пинганадаттой алл пороги наше в другой мир.

Мрачный мир философии и христианства обступает. Томаса средневековья. У нас перед глазом.

От поста в подземелье темо вытигается, саблезуб, склоняя панчет. И даже эта жалкая плоть тщательно укутана одеялом.

Обнаженное, это тело ужасно. Стоит посмотреть на маэстрошу Ему XIII в. с ее слабыми, нелепыми членами. Как будто художник в циркюре удаляет изображение глаза из виде обнаженной женщины.

Мимо этих страшных готических колоссов, этих антично ушибленных ангелов, лежит Марий!

Двенадцатый зал облизывает нас монстрами ветром Воздорождения.

В Италии торговцы камнем вырастят раки, чем в других странах. Краснушечная бруксузия борется с феодальным строем, мешающим ее развитие. XVI век в Италии — эпоха бруксузии, молодой и сильной, стремящейся к власти. XVII век в Италии — эпоха Леонардо да Винчи и Микел-Анджело.

титанов, пересохших эпохи и класс, породивший их. «В спасении при гибели» Вазантии рукописи, в наработках из развалин Рима античных статуй перед неизумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед сказочными образами ее исчезли понятия средневековья» (Энгель).

У Христа Микел-Анджело — тело умирающего титана. Известство Микел-Анджело — слова тела. Но тело стало пылью.

Мраморные юноши древности прятают и бросают диски. Они — воплощения физических движений. Движение у Микел-Анджело принимает глубокий символический смысл.

Владеет пристрастием к произведениям Микел-Анджело. Они являются величественными. Как будто разрез оставил нетронутыми куски камня. Это не случайность, не небрежность. Мы как бы чувствуем присутствие косной массы, с которой борется творческая сила художника. Это — выражение борьбы нового класса с мещанским, отжившим, старым, борьбы сильной человеческой личности с теснящей ее средой.

И юная масса побеждает.

Напрасен мне Монес Плакини щетино руят с себя осковы. Они обречены на гибель. Трагически неподвижны фигуры на гробах семи сановников — Альбертино и Лоренцо. Реакция берет верх. Альбертино — первый от входа в зал. Мы совершили крестоходный отход из зала. Мимо. Эндрея склонят огромные вальяны Дантолото и выходит мильеско-альбанийский «Давид» — колоссальный тип произведения эпохи Возрождения. На стояла — прокты Дворца советов, выставка которых сейчас в зале.

У ног Давида тянутся головы, портное остринение и ярильство.

Школьники внимательно рассматривают проекты и статуи.

Музей делает все возможное. Экспонаты увязаны со школьной программой. Ребята — не просто зрители. Пионеры-активисты принимают неоднородное участие в детских выставках: выбирают тему, экспоненты, обясняют им. Любопытно, что особым успехом у ребятользовалась выставка «Древняя Греция».

Школьники томятся вокруг проекта Иоанна Экспирисова, дает обяснения.

— Это принятый проект, — говорит экскурсовод, — рассмотрите его хорошенько. А теперь взгляните на Давида. Его лицо итальянский скульптор примерно 400 лет назад. Там годы не родились. Микел-Анджело (так звали скульптора) были годами при нем. Родился он в 1475 году по-нашему. Это значит, что он был в 1475 году в возрасте 18 лет. Помогите, пожалуйста, мне увидеть лицо Давида. Сделайте, пожалуйста, лицо Давида сильнее, чтобы я мог его видеть. Помогите, пожалуйста, мне увидеть лицо Давида. Пожалуйста, помогите, пожалуйста, мне увидеть лицо Давида. Пожалуйста, помогите, пожалуйста, мне увидеть лицо Давида. Пожалуйста, помогите, пожалуйста, мне увидеть лицо Давида.

А теперь снова взгляните на проект Дворца советов. Это — образец нового, социалистического искусства.

Новое искусство, искусство proletariata, также возводит все лучше, что дает старое искусство. Оно сообщает ему новую, невиданную красоту и размах. Этот Дворец может вмещать столько людей, сколько можно. И это — гордость большого города. В древности огромные сооружения создавались руками рабов, дворцы социализма будут строить машины. Высокоразвитая техника в руках proletariata создаст новые виды произведения искусства, нового искусства.

МУЗЕЙ ИЗЫДНЫХ ИСКУССТВ. СКУЛЬПТУРА «НИЛ»

ЗАМЕТКИ О ЧУТКОСТИ

ВОЕННОР ДОЛЖЕН СИДЕТЬ НА ДВУХ ЗАСЕДАНИЯХ ОДНОВРЕМЕННО

Дисциплину можно укреплять по-разному. В буре например за нарушение определенных правил ночных поведения нарушителя тащили за волосы на порог и били голенищем сапога по голому тулу.

Таким методом со временем революции в нашей стране не получалось.

Мы уверены, что конфедеративная комиссия подольского района комсомола возлагала главу бы при воссемнадцати о подобных методах.

А к комиссии Московского комитета и говорить не приходится.

Они конечно не против установления железной и то в это время товарищеской дисциплины.

Но ведь весь вопрос — как укреплять дисциплину?

Но ведь все дело в индивидуальном подходе к людям.

Так или иначе рассуждали работники двух вспомогательных конфедеративных комиссий.

И если они искалили когда-нибудь из комсомола, то уж, извините, другого выхода нет, вопрос рассмотрен со всех сторон.

Вот взят оттуда же Василий Трофимович Кульков, ссыльный комсомольца из 1930 года, военкора Подольского центрального района.

С этим вопросом ясней. Его искалечили «за нарывку на совещание военкоров, за бездельность в работе, несмотря на поисковые предупреждения со стороны ячейки и горкома ВАКСМ».

С работы его тоже конечно сняли и передали дело в партийный комитет «на предмет искалечения Кулькова на партии».

Подольский партийный комитет поддержкал ходатайство комсомола.

И Кульков превратился в беспартийного интуиства.

При разборе этого дела в московской конфедеративной комиссии он начал доказывать свою невиновность.

— Военкором я всего два месяца. С этой работой я не был знаком и мне никто не помогал. Все, что мне поручали, я всеми силами выполнял. На заседаниях я всегда приходил, так как я являлся обособленным, не приходил, так как я являлся обособленным.

Наши рабочие по финансам на 139-м месте. Парторганизация поручила мне вывести завод из этого прорыва.

Кроме того Кульков оправдывал свою новику на совещании военкоров тем, что занимался в это время в военно-учебном пункте номер 5.

А полумрак отказался его отпустить.

— Нашелся сопливый, — сказал полумрак.

— Общий, обычные доказательства, — заявил представитель района, — с большой головой взял на здоровье.

— Вопрос ясен, — заключила прокуратель.

А секретарь записал с протоколом:

«Подтвердить решение райкома...»

Товарищи, знакомые с текущей работой конфедеративных комиссий, знают, что внизу каждой из прокуратур имеется примечание:

«Если в соглашении явимся решением, обжалуй в КК ЦК ВАКСМ по адресу: Москва, Центр, Ильинский пер., д. 3».

— Ну уж кому-кому обжаловать, за только не тебе, — заметил Кулькович представитель района по дороге в Подольск.

Но бывают в жизни различные неожиданности. Центральная конфедеративная комиссия расследовала факты, связанные с искалечением Кулькова.

В процессе заседания КК ЦК ВАКСМ познакомился с запиской:

«Проделывали дела установлено, что Кульков не ходил на совещание военкоров, так как и этот день он должен был явиться на заседания в военно-учебный пункт.

Славная работа военкора обясняется тем, что парень неопытный и никакой помощи и инструктажа по работе не получала».

А поэтому:

«Решение МК отменить» — Кулькова В. Т. в рядах ВАКСМ с 1930 года восстановить».

Но еще прохождений было особое решение в связи с этим делом.

В нем говорилось о бездействии подконтрольного члену-ударнику и общественнику Василию Кулькову и о привлечении к ответственности людей, виновных в этом.

И вот вновь пришло время борьбы между учеными, бородатыми и дисциплинарными и начальную пору за людом пороге и спрятать все это в отношении иных комсомольских работников к Васе Кулькову, — контраст не будет особенно разительным.

Во всяком случае чуткость к человеку в обозримых разношерстиях.

ПОЧЕМУ ЛИ ЧЛЕНОВ СЕРГЕЙ СЛЕПОВ?

Сергей Слепов, нынешняго на связи 16 лет, человека всеми воспоминали.

Однажды он для основательности затронул о немузыкальные свои пристрастия.

Быть может инцидент был бы легко уложен, но дело сильно осложнилось по ряду причин.

Эти товарищи были фабриканцы.

Кроме того они в это время занимались производственной практикой.

Драка произошла на производстве.

Зачинщиками были призывник Сергей Слепов, и его по распоряжению директора исключили из школы. «Помимо аспирантуры и любви к драмам у комсомольца Слепова были иные свойства. Он принял участие и внимательно работал».

Командование коллектива обиживало ему выговор, но поручалось за него петропавловской дирекции.

В новом приказе было сказано о Сергееве, что «при условии исправления он останется в школе». Слепов исключен из школы за драку с директором и виноват в производственном преступлении.

После этого открытое заявление было направлено в ЦК ВАКСМ.

Сергей берет на себя сложные социалистические обязательства по учебе и их выполняет.

Он становится секретарем ячейки союза воинствующих борцов комсомола и своего коллектива.

Он получает премию за производственную и общественную работу.

Сотрудник местной газеты собирается даже налострировать его портретом открытии превращения художника в героя культурного ударника, но случилось неожиданное: появился новый член ячейки союза воинствующих...

Погода в этот день была отличная.

Поезд прошел меж двумя рядами светлой зелени.

Птичий спас и щебетали вранье в открытии своего вагона.

Сергей Слепов с бригадой, в которой была одна девушка, сидел в подщепной деревне.

То ли подсознательно на него кинули, то ли еще что-нибудь, но впервые в жизни принял он участие в выпивке.

Несколько рюмок водки сделали его развязным, даже нахальным. Он начал рассказывать девушке непринятнические истории.

После того как девушка ушла куда-то по колхозу, Сергеев вернулся к товарищам, что она со мной согласилась на все.

Узнав обо всем этом, бывший комсомольский коллегиант забыл о премии Сергея Слепова и его ударной книжке.

Отдавшись времем и ударной работой драка фабрики Слепова перенеслась через преступления и стала рядом с пьянкой.

Товарищи, которым лишили вместе с ним приватности немедля в беспощадных прокурорах.

Да же он сам стал считать себя погибшим человеком.

Слепов был исключен из комсомола ячейкой и муромским райкомом «за систематическое хамство в стенах школы ФЗУ, за публичное оскорблечение девушек и за пьянство».

Через все инстанции прошла эта убийственная формулировка о Сергееве Слепове, с неизправимым хамством и пьянстве, которому нет места в комсомоле.

В центральной конфедеративной комиссии комсомола занялись этим делом.

Через мрачные слова о неличных поступках проশептывались черты пылкого по существу товарища, за которого мог быть выбыт толк, если бы его не толкнули винов.

А толкнул его усиленно.

Всёяд за исключение из комсомола последовало из исключения из ФЗУ.

Когда Слепов поступил на вечерний рабфак, комсомольская ячейка потребовала, чтобы его сняли с учебы.

Когда мастер хотел свершить его с черной работой в производственную brigadu и использовать по специальности, бывро комсомола не допустило перебора.

В ответ на запрос КК ЦК ВАКСМ быво колективом комсомола школы ФЗУ Муромского п-рвала было вынесено решение о прекращении всяческой карьеристики Сергея Слепова.

Всей описываемой его боевой участии в хозяйственно-политических кампаниях, все его чины, вплоть до группира и пропагандиста.

Затем сообщалось, что он лучший ударник на производстве и в учебе и два раза премирован.

Тут же, без перебранки, быво удостоверено:

«Был исключен из школы за драку, но по ходатайству бюро ячейки восстановлен».

«Исключен из рядов КСМ за пьянство и клевету».

Дезертира и ударника иной раз стригут под одну гребенку

И в заключение:
«Политический видоряд».

Завитная характеристика!

Кроме нее в ЦК поступали отзывы других организаций об отличной работе Слепова и о том, как ужие исключено из комсомола он крепко работал на посевной...

Советский совет прибыл к этому несколько спустя с благодарностью за труды семьи, о пяти не-трудоспособных, находившихся на его излечении, о том, что он освободился от налога.

Центральная конфликтная комиссия отменила формальное решение Горьковского крайкома и восстановила Слепова в рядах комсомола.

За участие в вынужденном избранном выговор.

III О МОБИЛИЗАЦИЯХ, О БЫЛЫХ ПЛЕБАХ, О СТАРЫХ РОДИТЕЛЯХ И О ГЛОВОВАХ

Еще не привыкли основательно к делам Насонова и Марушкина, может показаться, что люди эти равнодушны.

По крайней мере так показалось конфликтным комиссиям, исключившим обоих «за неподписание решений о мобилизации в деревню и на пахоту»...

Николай Михайлович Насонов родился в 1914 году, а в комсомол вступил в 1931 году.

После этого он работал секретарем ефремовского райсовета ОДН Московской области.

Сейчас — себя автономным членом комсомольской организации.

Когда борьба районов мобилизовала его на картофелезаготовки, он заявил, что неоснована еще с основной своей работой, а также не успел подготовить к годовщине милиции письмо.

По этой причине ехать в деревню он категорически отказался.

Уговоры оказались напрасными. Николай Михайлович держал себя твердо и непреклонно.

— У меня... — заявлял он, — большевистская стойкость: сказал, ни пошу на заготовки, значит не по-шу!

Он был страшно возмущен тем, что его исключили.

Он говорил секретарию района:

— Сам-то ты не ешь. Думешь, пиши к юбилю милиции мене ванши, чем твои дела в районе. Иль какой энтузиаст! А то, что я член Осдамина забыл? Пусто ехать на мобилизацию кому ладят нечего.

В Московский комитет он писал, обиженный до глубины души:

«...Эх, братцы! Так: вызывают меня в РК и дают коммандирство в район по картофелезаготовке. Я конечно... отказался по (объекту) выразительно слово «конечно». А Г. Г. — председатель ячейки Осдамина спазал: «Если мы подготошившишьшьши, мы с тобой разберемся!» (?)...»

Но и в областной, и в центральной комиссии их не посчитывали Насоновым...

Насонов — городской человек. Его посыпал в деревню.

Марушкин — колхозник, работавший в сельском счетоводом. Его решили мобилизовать на рабочую пахату.

По протоколу из протокола видно, что Марушкин на руки не пошел и за это он исключен из комсомола.

Как будто бы все совершенно ясно и неизвестно. Какое может быть обсуждение подобных поступков?

Московская ЦКК поступила решением района. Но всегда противоречит полноте сущности явления.

Сначала несколько фактов о Марушкине. Вот, скажем с погрешкой о нем один из местных руководителей говорил:

«Марушкин заранее помогал в работе колхоза «Красная звезда», Аминьевского сельсовета, Деснянского района».

«По вызову карточная государству, первым явившимся за эту работу, собрал вокруг себя молодую гвардию и вызвал картографа не стесняясь, ничем, с какими препятствиями».

«Так же и в постройке конного двора опять взялся первый и на лесовозке тоже также имел самую первую работу».

Эти следения ни в чём не расходились с характеристиками сельсовета и правления колхоза «Красная звезда».

В них дополнительно сообщалось, что Марушкин был одним из организаторов колхоза и что он за ударную работу дважды премирован.

У Марушкина на изведения матер, стародолящая ремесленница, и отец-инвалид, потерявший трудоспособность на Тульском железнодорожном механическом заводе.

Работает восемь часов в сутки, Марушкин по утрам и вечерам выполняет колхозные задания

и полностью обеспечивает свою семью продовольствием.

И вот Марушкину предлагают выехать на шахту по постоянной работы.

— Хорошо, — сказала Марушкина, — я еду. Пусть обеспечит тут моих родителей хлебом.

Секретаря ленинградской ячейки Виро удивился:

— То есть как это обеспечит? Что мы социальное обеспечение?

— Я туда не могу ехать. Отец получает хлеб по членским привилегиям, старший брат у меня в Красной армии.

Так там как, значит, откладывается?

— Я не откладывалась, да нельзя же так делать, надо старшего тоже личного обеспечить, а потом куда хотят посы.

— Ты что, пиши требование будешь выставлять?

Посыпал без всяких разговоров и — кончи.

При этой душевной беседе присутствовал председатель РКК Шитиков.

— Как же будет, товарищ председатель? — спросил Марушкин: — Ведь недавно же...

Шитиков криво и холодно ответил:

— Псковский без всяких, или выгоним из комсомола...

Марушкин знал: если партия и комсомол посыгают на фронт, — надо идти.

«Он не знал, что наильз продавать револьверы»

Но он знал такие, что нельзя при советской власти забывать об больном отце, который проработал на заводе тридцать шесть лет.

И не имеет права забывать о нем ни секретарь коммунистической ячейки, ни председатель конфликтной комиссии.

— Встречи же... — признался Марушкин. — Нельзя одно из другого отрывать! Это только замысел, чтобы так вопрос. Я добьюсь правды, а потом поеду...

С тем большим никто не разогнавши.

Его исключили из комсомола как крымчика трудаового фронта и дезертера...

Что можно сказать о чувствах и классовой выдержанности Марушкина, поставившего на одну изборную доску агитатора Насонова и колхозника-ударника Марушкина?

ЦК комсомола постановил отменить решение об исключении Марушкина, в комсомоле его восстановить, а ошибки, выдвинутые против него, считать необоснованными.

ГУМАР ТОЖЕ НЕПРОЧЬ ПОГОВОРИТЬ О ГИФТЕРСТВЕННОМ ОРУЖИИ И О ЧУТКОСТИ

И когда у людей появляется желание расплакнуть свою душу и броситься на шею соседу...

— Большевик должен обладать чуткостью.

Гумар Мухамедзинов произносил эту фразу проникновенным голосом и вопросительно оглядывая присутствующих.

У него было именно такое умденное настроение.

Никто не возражал.

— Тамошние фашисты по своему существу могут подходить к людям формально, — добавила Гумар Мухамедзинов...

Тогда еще была ранняя осень.

Пусты листья рокотали над головами людей.

Синие искры стремительной реки метались под яркими кустарниками. Обстановка поощряла отважность и мятежность.

Человека обидели. Знает, как иногда бывает. Вот так, привяжут просто-напросто к человеку... А в чем тут дело?.. Да, что искалечают?.. Нет подлинной беломанежной чуткости... Эх..

Примерно так рассказывала о себе Гумар.

Его обидели не только в личной и в районе: обид и тот подпадался на формальные уловки беспричинных врагов Гумара.

И мы только подумайте, какая бездарная формулировка искалечена! Смешно, честное слово!

«Исклучить за торговлю огнестрельным оружием и за скрытие социального происхождения...»

Оно заявление Гумара поддало в конфликтную комиссию района комсомола. Заканчивалось оно так:

«Я хочу работать, учиться и выполнять в ногу задание партии и правительства».

Второе заявление он написал в областной комитет:

«Обещаю бороться совместно с комсомолом за дело строительства социализма».

Заявление в ЦК ВЛКСМ закончилось тем, что Гумар будет «непропраиненным энтузиазмом, до победного конца бороться за бесклассовое социалистическое общество».

Только бездумные люди могли разинодивиться зоплям на behalfу заболевшей души Гумара Мухамедзинова.

Но он однажды торжественно обещал всем, что он со своей социальной ценностью и политическую благонадежность.

Во-первых, к своему дому он привозил подробную справку Агинского сельсовета, которая поместила опровергнутое нелепое утверждение о скромности Гумара в социальном происхождении.

Агинский сельсовет удостоверил подписями и проклятыми почтой, что Гумар происходит из инженерско-педагогической семьи».

Тут же воинило было прочесть искренне написанную биографию:

«Моя родители происходят из типичных крестьян.

Поступая я на Агинскую фабрику, Проработала 2 месяца и пищу запиралась к усиленной жизни жила на Верхотурье, где и находилась ударный служащим».

Помимо этого Гумар привел неопровергимые данные относительно недавних разговоров о хакоме оружии.

Смело и открыто он рассказывал в своем заявлении, что «зингору», отображенную у него, он нашел в лесу, а револьвер «Смит и Вессон» продал неизвестному лицу, так как не знал, что дальше приведут револьверы».

Все присяжные и документы были заверены нотариальными конторами, и заместитель нотариуса расписалась в нескольких местах кудрявым почерком...

Коротко говоря, сами понимаете, что Гумар имея базу для протеста.

Странные люди! Не хотели верить откровенным его словам.

Они просто-напросто покидали ему справки, по-лученную от милиции о том, что Мухамедзинов имел большую мануфактурную лавку со штатом прислуги.

Гумар, правда, возмутился безобразной этой злобой и злостью, что мануфактурная торговля являлась неблагородной, добродетельной, и что главной ее сущностью было производство рабочих, а привозившие младолады, которой его отец всегда стремился помочь, чом мог, но... исчезает еще у людей чувства, нет, нехватает.

И центральная конфликтная комиссия опять заявила, что Мухамедзинов — член ВЛКСМ с 1928 года, сын владельца крупного магазина с наемной рабочей силой, систематически продавал и незаконно привозил огнестрельное оружие.

И его окончательно выгнали из комсомола да еще и посадили вадбаров.

Беседа с Флором

Перед отъездом в Ленинград гроссмейстер Флор работники «Смены» имели с ним продолжительную беседу о шахматном младенце Чехословакии и ССРС.

У нас, в Чехо-Словакии, шахматы находятся в совершенно ином положении, чем у вас, в ССРС, — заявил Флор. — Я был совершенным пороком, когда мне сказали, что дамаски и школьников-шахматистов хотят побегать со мной в Ботвинником о нашем матче и других шахматных вопросах. Еще большей неожиданностью явился для меня то, что эти школьники являются участниками всесоюзного детского шахматно-шашечного турнира.

У нас, в Чехо-Словакии, в шахматы начинают играть с 17—18 лет. Вся шахматная жизнь сосредоточена или в специальных спортивных клубах или в шахматных кафе. Родители всячески поощряют своих детей к изучению этого чудесного вида спорта. Увлекающие шахматы, так как это грозят азартом, односторонней страстью к игре в ущерб общему развитию. В члены шахматных клубов в Чехо-Словакии принимают с 17 лет. Славдователю школьники, желающие научиться играть в шахматы, вынуждены или делать это в шахматных кафе или совсем не играть.

Флор заявил, что до сих пор он считал занятия шахматами для школьников в общем временным.

«Несомненно, ваши шахматисты имеют большое превосходство, выражющееся в том, что они могут с 12—13 лет начать играть в шахматы», — говорил Флор. «Сейчас одновременно игры, давший мною московских шахматистов, преимущественно молодежи, показала чрезвычайно высокий класс их игры. Мне никогда в жизни не приходилось играть в сеансах с таким сильным составом».

Этими словами Флор вспоминает чрезвычайно интересные мысли:

«Несомненно, ваши шахматисты имеют большое превосходство, выражющееся в том, что они могут с 12—13 лет начать играть в шахматы», — говорил Флор. «Сейчас одновременно игры, давший мною московских шахматистов, преимущественно молодежи, показала чрезвычайно высокий класс их игры. Мне никогда в жизни не приходилось играть в сеансах с таким сильным составом».

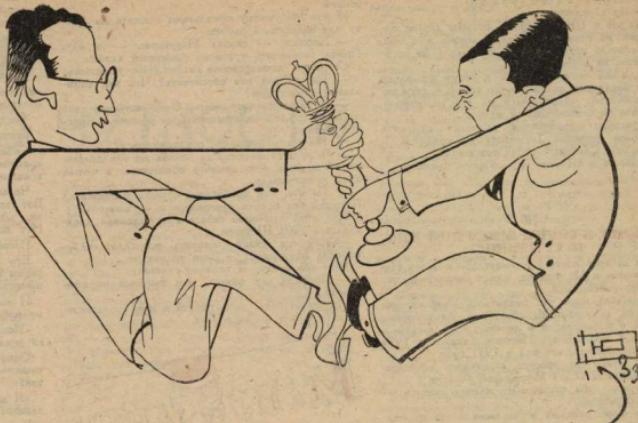
«Основное занятие чехо-словацкой молодежи — говорит далее Флор, — является спорт. В университете, в праве, на медицине, на инженерии. Право на юридическом факультете является большой шахматной группой. Я сам до 16 лет занимался много спортом — греблей, гимнастикой и т. д. — и не подозревало относиться к шахматам. Меня удивляло, что люди деланные днем могут просиживать в кафе за шахматной игрой. Это занятие было для меня очень недорогим».

Так же, как и я, Флор, родился и вырос в чешской деревне. Он учился в школе, а в 1933 году поступил в университет.

Однако в 1933 году он переехал в Чехословакию. Он начал играть в шахматы и сыграл несколько партий. Выиграл со многими игроками без фора. Я быстро увлекся игрой в шахматы.

В Чехо-Словакии шахматы так популярны, как в ССРС, но сравнительно с другими странами Европы наши школьники играют хуже. Об этом становится ясно из результатов наших национальных рабочих команд (социал-демократических — Р. О.) на мировых олимпиадах, например в Гамбурге, Праге.

В Чехо-Словакии есть склонные к шахматам. Игра с ними дала мне возможность повысить свой класс игры, и стала заниматься теорией и уже через несколько лет принял участие в международных турнирах.

Ничья

Ботвинник — Флор

Международный шахматный матч

Матч Ботвинник — Флор закончилсяническим результатом. Советская школа шахматного искусства показала свой высокий уровень. Мы печатаем московский тур матча (первые шесть партий) с комментариями мастеров Юдовича, Юминина и Кана. В следующем номере «Смены» напечатаем прокомментированный ленинградский тур матча.

ЗАЩИТА КАРО-КАНН

М. Ботвинник — С. Флор

Первая партия матча 28 XII 1933 г.

1. e4, e5; 2. d4, d5; 3. c4, c5 (вариант москвицы Панова, приводящий к острой и интересной игре), 4. Kf6, 5. Kc3 Kcb6; 6. Cg5 (интересная идея. Обычно здесь играют Kf3, если глохнет анализ Панова) 6... d:c (глохнуло C16); 7. d5, Kc5 (на 7... Kd5, 8. Cf4, Kc4; 9. Fd4 — в хорошей игре); 8. Fd4, Kd3 +; 9. C:d3 c: d; 10. C:f6 (причем правильно. Проекта продламили 10. Ff6 d5; 11. Kf3 белые стояли бы плохо); 10... e:fd (10... g:f6 было очень сомнительновиду плохого положения черного короля); 11. Ff6, C:fb6; 12. Kg6 e2—0; 13. O-O A:g8 (таким образом, белые получили пешку). Компенсацией для черных является наличие двух слонов. Дальшеяшая борьба происходит вокруг пешки e. Белые стремятся ее продвинуть, черные обзывают блокировать); 14. Ad1 Cf4; 15. Ad2, ab (предупредяя Kb5); 16. K:g3, A:g8; 17. h3, C:g7; 18. Ad1 (на 18 K-e4 последовало бы просто C4), 18... g6; 19. Ad2 (черные мастера отмечают пешку g6, а не h6, потому что пешка g6 лучше). Позиция на данный момент консервирована; 19... A:g6; 20. Kg5 f2; 21. Kd4 F:z7; 22. Fd2, A:g3; 23. Kf3 (изобретенная лично м.); 23... Ff6; 24. A:l1; 1:1—25. K:g1, b5; 26. a3, Krg7; 27. Kf3, C:g8; 28. Kp1 (плоско Fd4; 29. Kd4, K:g8) (избранный путь к победе белых); 28... C:z7; 29. Kd4, K:g8; 30. Kc5, Kf7; 31. Kd4, K:g8; 32. Kc5, Kd7; 33. a5, Ff7 +; 34. Fb7 с лучшей игрой, на 31... b:a5 ответил с угрозой b4+ и затем пошел взятие на a3 пешка b+, поддержанная двумя слонами, очень сильна. В случае же с 3. Kd1 ферзь отворгается на a1) 31... F:d4; 32. R:d4, a:b;

33. Ke:b5? (просмотр в центоигре. Несмотря на то что пешка a5 несет опасность, белые должны играть в центре). 33... Kd5 C:ab5. 34. Kd3, Kc5 и т. д. Теперь же следует национальная неожиданность, 33... Kc2 a:1; 34. Kb6, Kd5, C:b2; 35. Kc2 a:1; 36. Kp3, K:e7 (известная запутавшаяся комбинация); 37. Kf7, Kr:f7 (видящий для белых близнец). Kc2 белые играют, и у черных по существу единственный слон 38. Kr:d4 C:f1; 39. h4, C:g2; 40. Kp5 f4. Позиция консервирована.

Черные вынуждены, образуя еще одну проходную пешку по последствию и g5. Пешка же d для них совершенно бесполезна. Например 41. d6, Kp4 42. Kd4 + Kp7 и т. д. (Примечание Юдовича).

ЗАЩИТА НИМЦОВИЧА

Вторая партия матча 29 XII 1933 г.

С. Флор — М. Ботвинник

1. d2-d4 Kg8—f6
2. c2-c4 Cf7—e6
3. Khl—c3 Cg8—b4
4. Fd1—c2 Ce7—e5
5. d4:e5

Невгодно для белых 5... Kf3 виду d: e5. K:h1: d4 Keb с равной игрой.

5... Kg8—e6
6. g2—g3

Необходимо было играть 6... a:3; Ce3!?? Fb3 и белые 5... e5. 7. c3 последовало с 2—e4! Этот вариант теории считают лучшим продолжением для белых в данной позиции. Ход С. Флора смы

нителен, так как белого слона необходимо оставить в позиции a6—f1 для защиты пешки с 5. Это убедительно демонстрируют черные.

6. Fd8—a5 Fd8—a5

Как указал после окончания партии гроссмейстер Флор, ход Сd2, казавшийся лучшим в данном положении, быстро дает черным сильную атаку ввиду следующего варианта 7. F: 5. Kd2, F:5 и черные вынуждают пешку с 4. Kd2 и в первом же ходе выигрывают пешку с 4.

Если белые на 7. F:5, то черные планируют лучшую игру ходом d5. Явно плохо для белых 8... e5? Поэтому гроссмейстер Флор решил пойти на вариант, случившийся в партии.

7. F:5 Cf4:5!
8. F: e2; 3. Fa5:3
9. b2: c2; 4. Kac5
10. Ccl a3?

Позиция на 10 ходах белым

(диаграмма после 10 ходов белым)

Безусловно, читательные трудности защиты никольского пешки с 3. и с 4. предстают на вершине. Но, конечно, первую очередь надо изучать, предполагая, что белые играют 4... Fd7. Но вот появляются белые адепты из 4... Kd7! Если 5. Kd2, Kd7; 6. Kc4 с вынужденными фигурами. На 5. Kd2 следовало 5... Kd6 12. Kp3 Kd7 13. Khd5 Kge6 14. Kd7? и т. д. К 4? Фор повидимому (См. продолжение на стр. 31).

(Продолжение)

собирались играть просто 11. Kf3 и если 11. . . . К: e4, то 12. Kd2! 2d3, повернувшим пешку белые получали прекрасную фигуруную игру.

Вполне основательно черные предлагали солидное продолжение, как в данной партии сомнительному выигрышу пешки.

11. Kf1-f3 Kf6-e4

12. La1-e1 Сe8-d7

Но лучше. Повидимому значительно сильнее было играть 12. . . . b6 с последующим разменом слонов на b7 13. Kf3-e4. Белые стремятся к возможно большему упрощению позиции, что только усиливает преимущество черных. Повидимому здесь следовало играть 13. Kd4.

13. . . . Ke4-d2

Хорошо также и 13. . . . Сe6 с последующим разменом слонов на b7 13. Kf3-e4.

Белые стремятся к возможно большему упрощению позиции, что только усиливает преимущество черных. Повидимому здесь следовало играть 13. Kd4.

13. . . . Ke4-d2

Хорошо также и 13. . . . Сe6 с последующим разменом слонов на b7 13. Kf3-e4.

Белые стремятся к возможно большему упрощению позиции, что только усиливает преимущество черных. Повидимому здесь следовало играть 13. Kd4.

13. . . . Ke4-d2

Хорошо также и 13. . . . Сe6 с последующим разменом слонов на b7 13. Kf3-e4.

13. . . . Ke4-d2

Необходимо разменять хотя одну из сдвоенных пешек, ибо черные грозили после хода b6 создать сильное давление на слонов белых.

15. Cf6-d5 A8:c5

16. Cf2-c3 A5:c4

17. Al1-b1 Kr8-e7

18. Cf3-f3 A4-c4

19. Al1-b2 Lb8-c8

20. Ah1-a1

Освободившаяся ладья b2 от защиты пешки a2

20. . . . Cf7-d6

Ничем не вызванное предложение размена на слона флагмана явилось предложением ничьей. Продолжая d5 с последующими Kr6 беды черных сохранили определенные шансы на выигрыш из-за слабости пешки ферзевого фланга белым.

21. Cf3:6 b6:5

По предложению Флора противники согласились на ничью.

(Примечания Н. Рюмин)

ФЕРЗЕВЫЙ ГАМБИТ

(3-я партия матча)

М. Ботвинник—С. Флор

1. d4 d5 2. Cf4. Много распространено предложение: Увертите пешку c4 черные не в состояния, а уступка царя дает белым хорошую инициативу.

3. Kf3 Kf6 4. e3 c5 (Обычно известно, что 4. b5 опровергается просто посредством 5. a4 e6 b6 a5 (т. е. 7. b3 и т. д.). 5. С: e4 e6. О—О Кб7 7. Fb2 a6 (Если 7. . . . c: d5 то конечная 8. Ad1+ b5 9. d: f7 10. Cf5: d5). 11. Ad1+ b5 12. Cf7 13. Cf5: d5 14. Cd7 15. С: e4 (Естественно взятие на b5). 15. . . . b4 (если предположить 15. . . . b6 просто 12. Kc2). 12. Kf4-5. 13. Cf5: b4 14. Cd7 14. С: d7 K: d7 15. Cf2! (вынуждает предложение 15. a5, оставляющие как пешку a5, так и очень важный пункт e5), 15. . . . b6 16. Al1-c1 (согласно зонтику, но неплохо было 17. С: b4 18. Cf4. Bb5! и теперь пешка 19. А: . . . L: d7 20. Cf5+ + Kf6). Черные вынужнены отступить 16. . . . Cf6 17. Cf3. Этот спокойный ход заслуживает достаточного восходящего признательства. Следовало играть 17. Kf5! 19. Al1 Cf4 20. С: b4, и противники согласились на ничью по предложению Флора. Действительно игра ушла уравнилась.

(Примечания Юдовича).

ГОЛАНДСКАЯ

(4-я партия матча 3/XII 1933 г.)

С. Флор—М. Ботвинник

1. d2-d4 7-e6 2. e2-e4 (адресовано именно слону 2. Kf3! После чего переход в Голландскую партию сопряжен для черных с некоторой опасностью). 7-15 (на ход 2. e4 черные совершили безраздельно могут играть голландскую партию, так как они легко добиваются размена своего чернопольного слона, развитии кото-

рого оба встречают большие трудности, и в дальнейшем без особых затруднений добиваются одержимого успехом этого их игры продолжения e6—с5! 3. Kb3-c3 Kg8-f6; 4. g2-g3; Cf8—Fc5; 5. cl-d2 (опись 5. cg2 ванку. С. c3), после чего сдвоенные пешки ферзевого фланга белых становятся всеми (иерархами) 0—0; 6. Cf7-g2; 7. e4-f5 9. Kg7—c3! Kb8—b7 8. f7—e2. Следует сказать, что в данном случае преодоление белыми сложностей неизбежно.

Вполне основательно черные предлагали солидное продолжение, как в данной партии сомнительному выигрышу пешки.

11. Kf1-f3 Kf6-e4

12. La1-e1 Сe8-d7

Но лучше. Повидимому значительно сильнее было играть 12. . . . b6 с последующим разменом слонов на b7 13. Kf3-e4.

Белые стремятся к возможно большему упрощению позиции, что только усиливает преимущество черных. Повидимому здесь следовало играть 13. Kd4.

13. . . . Ke4-d2

Хорошо также и 13. . . . Сe6 с последующим разменом слонов на b7 13. Kf3-e4.

13. . . . Ke4-d2

Необходимо разменять хотя одну из сдвоенных пешек, ибо черные грозили после хода b6 создать сильное давление на слонов белых.

15. Cf6-d5 A8:c5

16. Cf2-c3 A5:c4

17. Al1-b1 Kr8-e7

18. Cf3-f3 A4-c4

19. Al1-b2 Lb8-c8

20. Ah1-a1

Освободившаяся ладья b2 от защиты пешки a2

20. . . . Cf7-d6

По предложению Флора противники согласились на ничью.

(Примечания Н. Рюмин)

АНГЛИЙСКОЕ НАЧАЛО

(5-я партия матча)

Игра 4/XII 1933 г. в Москве

М. Ботвинник—С. Флор

1. c2-c4 e7-e5

2. Kb1-e3 Kb8-c6

3. Kg1-f3 Kb8-c6

4. d2-d4 e5-d4

Здесь, честно говорят 4. ed5. K: d4

5. Cf3-d2 Kc6: d4

6. Kd2-e4 Kd4-e6

7. g2-g3

Это бесспорно наиболее логичное развитие слона в данной позиции.

7. . . . Kc3-e4

8. Kc3-e4 Kf6-e4

9. Cf3-d2 Cf8-b4

10. Pf1-d2 Cf4-d2

11. Cf1-e2 0-0

12. 0-0 d7-d6

13. Ke4-c3 Cf8-d7

Полагаю первым ходом на центральное поле d5, откуда он окажет сильное давление на позицию противника.

13. . . . Cf7-d5

14. Cf3-d5 a7-a5

Этот ход заслуживает, чтобы перенести ком на с5 (на что без хода a5 последовал бы конечно b4).

15. e2-e3 Keb5

Ботвинник получила по любому некоторое преимущество. Позиция черных однако вполне прочна.

Дальнейшая игра сводится к дальнейшему материализации в обеих сторонах.

16. . . . Al8-a8

17. Al1-d1 a5-a4

18. Al1-e3 Cf6-d7

19. Kf5-e3 Cf7-e6

20. Pf2-d4 f7-f6

21. Cf2-f1 Cf8-e7

22. Kf3-d5 Cf7-f7

23. Ad1-e1 Cf7-e6

24. Kd5-f4 Cf7-e7

25. Ad1-b3 b7-b6

26. Kd3-b4 . . .

Этоттигрово было предложено мною в уединении на камине в центре

27. Cf4-e3 Aa8-d8

28. Kb4-d3 Cf7-e6

29. Kc2-d4 Ad8-e5

30. Lf2-f3 Ad8-e5

31. Kd4-b3 a4:b3

32. Lf2-b3 Kc5-e6

33. Kd5-f4 Cf6:b5

34. e4:f5 Kc6:b5

35. Cf1-g2 Ad7:e3

36. Al1-e3 Ad7:b3

37. Cf3-e3 Kpb8-f7

38. f3-f4 Kb6-f7

В этом положении партия была прекращена и по возобновлению играл 17. f1-e7

18. Kf7-e7 Kd7-e6

19. b3-b4 d6-d5

20. Kf5-e4 (Чрезвычайно важный ход, возвращающий значительное обладание королевского флага) (42. . . . g6) конечно же не 42. h6, после чего белый король, по маршруту f3—g4—h5 ворвался в базу врага (42. . . . f4—g3—h5? К: h6? еще бы солдат королевский флаг). Мы предполагаем 43. Kf1, подготовленный для случаев f3, или даже Kf5 со значительно облегченным обладанием (последним играл 44. Cf1 Kf7; 45. f1 (открывая дорогу слону c1) 45. . . . e5: e6 (без всяких шансов было бы 45. . . . e5: e6, 46. Kf3 и т. д. В случае же 45. K: e5 сразу выигрывал оторвав Сg5) 46. Kp1 f3; 47. Сe3 Kp1 (предполагаясь) 48. Kf3-e4

Нельзя конечно ни Kc2, ни Kp1

и не Kf3, и не Kf4

49. Kp1-g1 Cf3: d5 +

50. Kf3-f2 Cf5-d5 + 11

Ничья вечных шахов.

(Примечания И. А. Кана).

ИНДИЙСКАЯ ЗАЩИТА

(6-я партия матча)

С. Флор—М. Ботвинник

1. d4 c5 2. Cf4 Kp1-h1

3. Kf1-e2 Cf6: d5 +

4. Kp1-g1 Cf3: d5 + 11

Ничья вечных шахов.

(Примечания И. А. Кана).

14. Ce2 ag (на 14.. . . Kd7 последовало 14.. . . Kd7) (нейзиландская конечка 16.. . . Kd7, Cf5: d5, возвращая фигуру) 17. . . . Kd5: c5

18. Cf1-e1 Pf8-d0 20. 0-0-0. La8

21. Pf2-d2 (не это было самое очевидное). Тернер имелся в виду

размен тяжелых фигур по линии с, и партия переходит в стадию сложных маневров в эндшпиле, в котором белым благодаря двум слонам стоит значительно лучше) 21.. . .

Fd7, 22. Al1-e1 Cf1: e1 + 23. Kp2

Kf7, 23. Cf5: d5, Kf5: e5, Pf5: 27. Kf1, Kr8: 25. Kp2

28. Cf5: d5, Kf5: e5, Pf5: 27. Kf1, Kr8: 25. Kp2

29. Kd4: c5 (нейзиландская конечность). 30.. . . Kb5 (подготовка к перевороту слона на диагональ b3—e8) 30.. . . Kb5; 31. Kr2, Cf2, Kr7; 32. Kb5; 33. a5, Kb7; 34. Cc1, Kb9; 35. Cf2: b5, Kb7: a5 (нейзиландская конечность) 35.. . . Kb5: a5, Cf2: b5 + 36. Kb5: a5, Cf2: b5 + 37. Kb5: a5, Cf2: b5 + 38. Cf2: b5 + 39. Cf2: b5 + 40. Cf2: b5 + 41. Cf2: b5 + 42. Cf2: b5 + 43. Cf2: b5 + 44. Cf2: b5 + 45. Cf2: b5 + 46. Cf2: b5 + 47. Cf2: b5 + 48. Cf2: b5 + 49. Cf2: b5 + 50. Cf2: b5 + 51. Cf2: b5 + 52. Cf2: b5 + 53. Cf2: b5 + 54. Cf2: b5 + 55. Cf2: b5 + 56. Cf2: b5 + 57. Cf2: b5 + 58. Cf2: b5 + 59. Cf2: b5 + 60. Cf2: b5 + 61. Cf2: b5 + 62. Cf2: b5 + 63. Cf2: b5 + 64. Cf2: b5 + 65. Cf2: b5 + 66. Cf2: b5 + 67. Cf2: b5 + 68. Cf2: b5 + 69. Cf2: b5 +

В этом положении партия была прервана. Позиция белых выиграна. Позиция черных выиграна. В дополнительство этого требуется только несколько полносъемных ходов.

Последовало: 60. Cf4+! (участие, С. Флор, вспомнил ходотами вничью). 61. Cf4+! (участие, С. Флор, вспомнил ходотами вничью). 62. Cf4+! (участие, С. Флор, вспомнил ходотами вничью). 63. Cf4+! (участие, С. Флор, вспомнил ходотами вничью). 64. Cf4+! (участие, С. Флор, вспомнил ходотами вничью). 65. Cf4+! (участие, С. Флор, вспомнил ходотами вничью). 66. Cf4+! (участие, С. Флор, вспомнил ходотами вничью). 67. Cf4+! (участие, С. Флор, вспомнил ходотами вничью). 68. Cf4+! (участие, С. Флор, вспомнил ходотами вничью). 69. Cf4+!

Черные сдались.

Позиция выиграна, совершенно безнадежна. После вторых пешек с ее стороны

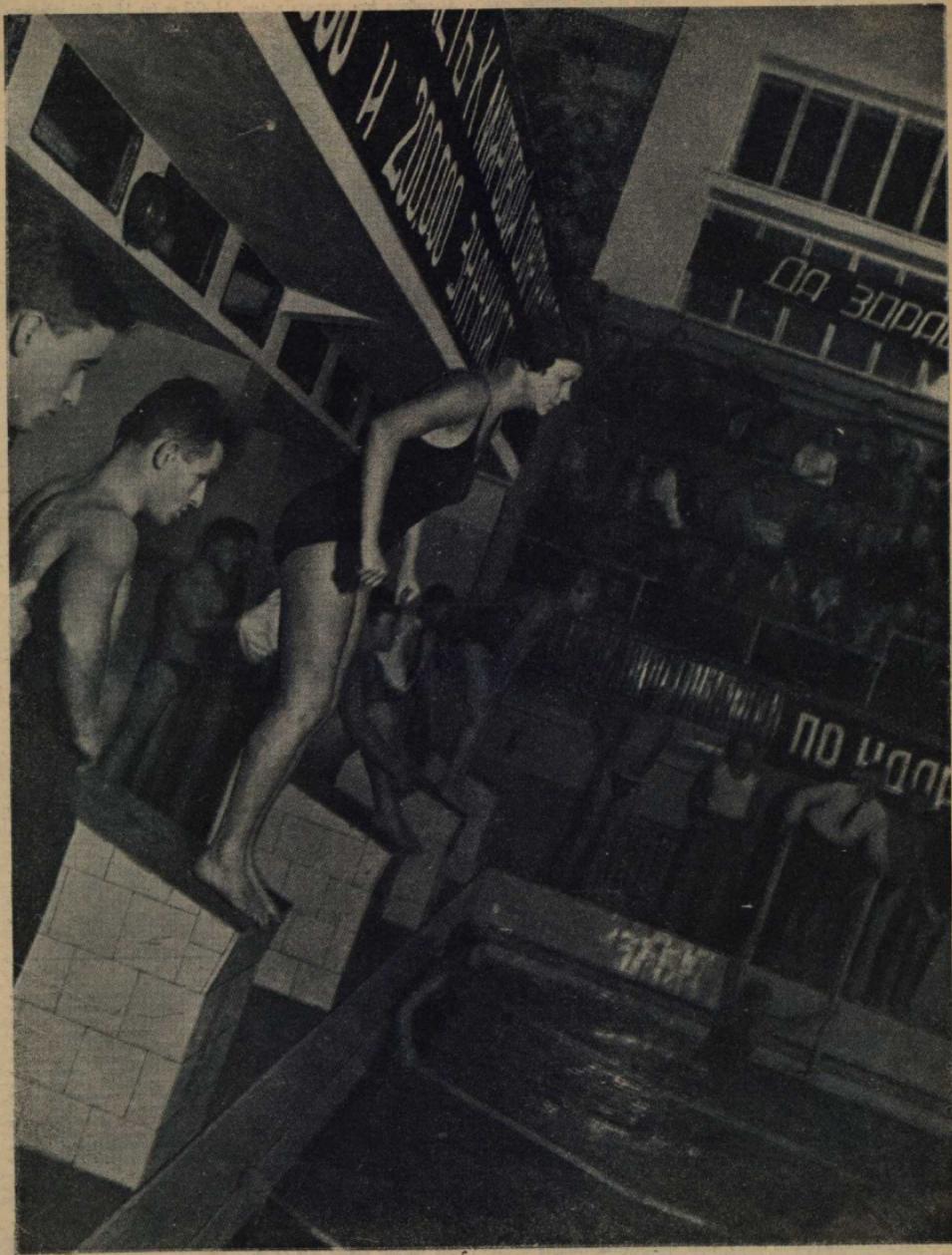
сможет создать контригру по линии c1

10. Cf3: f7 11. Kf2: e7 12. Cf2: d2 13. Cf2: b2 (Флор уступает важное поле c3 ко-

тию) 12. . . . O-O 13. Kc3 Le8

(Примечания мастера Юдовича)

ЦЕНА 50 КОП.

РЕНИ СКОВАНЫ ЛЬДОМ... Но для любителей речного спорта построен закрытый бассейн.

На снимке: состязание пловцов в зимнем бассейне при автозаводе имени Сталина